Geisman
GRAF' L. N.
TOLSTOY

[redacted]

ИЗДАНІЕ ТИПОГРАФІИ
А. А. ПОРОХОВЩИКОВА.

П. А. Гейсманъ.

Графъ Л. Н. Толстой

и

М. И. Драгомировъ.

Цѣна 75 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. А. Пороховщикова, Бассейная, 3—5.
1897.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 Октября 1896 г.

Графъ Л. Н. Толстой и М. И. Драгомировъ.

Извѣстный романъ извѣстнѣйшаго нашего писателя под-:ргся, въ свое время, критическому разбору на страницахъ ıшего военнаго журнала, но разборъ этотъ не обратилъ на бя тогда же надлежащаго вниманія нашего, такъ называе-.го, интеллигентнаго общества. Почему? На этотъ вопросъ ›жно отвѣтить, прочитавъ рецензію, напечатанную въ „*Сѣ-ѣномъ Вѣстникѣ*“ (1895 г., № 8, отд. 2-й, библіографія р. 64—65), по поводу выхода въ свѣтъ отдѣльнаго изданія збора упомянутаго романа, написаннаго генераломъ *М. И. ѣагомировымъ* [1].

Рецензентъ „Сѣвернаго Вѣстника“ признаетъ генерала Драмирова „несомнѣнн(ымъ) авторитет(омъ) по военному дѣлу“ вмѣстѣ съ тѣмъ „талантливымъ писателемъ и превосходнымъ ілистомъ“. „Произведеніе генерала Драгомирова (говоритъ ъ) печаталось очень давно и въ спеціальномъ журналѣ, такъ › мало кому извѣстно и является теперь, въ отдѣльномъ из-ıіи, до нѣкоторой степени, новинкой“, не лишенной „инте-:а, не смотря на свой 25-лѣтній возрастъ“. Что можно ска-ъ объ обществѣ, для котораго разборъ „одного изъ самыхъ ɾпныхъ произведеній современной литературы“, произведенія :ателя, имя котораго гремитъ на весь міръ,—разборъ, напиıный „талантливымъ и авторитетнымъ“ военнымъ писателемъ,

---

[1]) *М. И. Драгомировъ.* Разборъ романа «Война и миръ». Кіевъ. Изданіе ·опродавца Н. Я. Оглоблина. 1895 г.

имя котораго давно уже извѣстно всему военному міру, а в
послѣднее время гремитъ въ одной изъ наиболѣе культурных
странъ Европы,—остается „новинкою“ въ теченіе 25 лѣтъ? Н
ручаясь за безусловную точность и справедливость нашихъ со
ображеній по этому вопросу, попытаемся на него отвѣтить. П
всему вѣроятію, это общество не имѣетъ никакихъ идеалов,
едва-ли способно къ сколько-нибудь правильной оцѣнкѣ пр
краснаго хотя бы въ области литературы, и если преклоняет
предъ талантами, то не иначе, какъ съ чужого голоса, т. е
признавая данный талантъ, но не понимая, почему и въ чем
онъ является талантомъ. Если таково наше общество, то в
чемъ же заключается долгъ печати, находящейся на высот
своего великаго призванія? Пробуждать въ этомъ обществ
самосознаніе; если не указывать ему идеалы, то облегчать ем
самостоятельное отыскиваніе таковыхъ, уяснять ему все пр
красное и изящное и облегчать самостоятельное уразумѣн
послѣдняго; наконецъ, всесторонне, безпристрастно и правиль
оцѣнивать всѣхъ выдающихся дѣятелей, отнюдь не впадая в
рабское преклоненіе, но въ то же время не замалчивая тог
или другого дѣятеля и отмѣчая какъ сильныя, такъ и слабы
его стороны, дабы облегчить оцѣнку того же таланта и всем
мыслящему обществу.

Такъ-ли дѣйствуетъ наша печать? Въ отдѣльныхъ случаяхъ-
да; вообще же говоря—нѣтъ! Конечно, находятся органы пе
чати, хотя и не поднимающіеся до указанной высоты, но все ж
пытающіеся сдѣлать кое-что въ этомъ направленіи, и это кое
что является уже залогомъ лучшаго будущаго; но въ общем
печать наша преслѣдуетъ разныя цѣли, кромѣ вышеприведе
ной. Правда, нѣкоторые органы той же печати говорятъ час
и много объ этой цѣли; имѣются даже такіе, которые сп
ціально проповѣдуютъ „добро“; но, подобно тому, какъ по
слѣдніе, въ лучшемъ случаѣ, не дѣлаютъ никакого „добра“
такъ точно и первые вовсе не стремятся къ демонстратив
провозглашаемой ими цѣли. Одна изъ главныхъ причинъ этог
прискорбнаго явленія заключается въ томъ, что та же печать

мѣсто того, чтобы идти впереди общества, плыветъ по теченію. Въ такой печати и отражаются, какъ въ зеркалѣ, всѣ лабыя стороны общества, изъ коихъ одно изъ первыхъ мѣстъ анимаетъ присущій, какъ обществу, такъ и печати, недостаокъ, какъ нельзя лучше опредѣленный въ притчѣ о *мытарѣ* *фарисеѣ*. Какъ извѣстно, фарисей молился такъ: „Боже, благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ прочіе люди, грабители, ›бидчики, прелюбодѣи, или какъ этотъ мытарь...“ Между тѣмъ, ıытарь, стоя вдали, не смѣлъ даже поднять глазъ на небо; ю, ударяя себя въ грудь, говорилъ: „Боже, будь милостивъ :о мнѣ грѣшному!“

Не принимая на себя рѣшенія въ высшей степени трудной адачи опредѣленія числа имѣющихся въ наличности мытарей ı фарисеевъ, мы не можемъ, однако, не отмѣтить, что взаимныя ›тношенія между представителями и дѣятелями печати настолько далеки отъ идеала, что лишь болѣе умѣренные приıѣняютъ пріемы, впервые употребленные фарисеемъ, тогда какъ ›олѣе крайніе обращаются съ своими противниками и, вообще, :ъ тѣми, кого нужно такъ или иначе „отдѣлать“, гораздо болѣе ›езцеремонно. Въ результатѣ получается недостаточно обстояельная, голословная, невѣрная, несправедливая, а иногда даже ı недобросовѣстная оцѣнка того или другого явленія въ жизни, ого или другого произведенія въ области хотя бы литературы.

При такихъ условіяхъ и общество не можетъ совершенствоваться, не можетъ учиться, такъ какъ его не только не чатъ, но даже, наоборотъ, мѣшаютъ ему учиться, вселяя ему ревратныя понятія. При такихъ условіяхъ знакомство съ проızведеніями даже великаго писателя не принесетъ всей той ıользы, которую оно могло бы принести при разумномъ приняіи этой духовной и умственной пищи.

При такихъ условіяхъ тотъ, кто приходится не ко двору, ›удь хоть семи пядей во лбу, останется заслоненнымъ, его постараются замолчать; но зато тотъ, кто попадетъ въ тонъ, :амъ будетъ удивляться своимъ успѣхамъ, а если у него еще

окажется, къ тому же, и первостепенный талантъ, то онъ п
падетъ прямо-таки въ кумиры.

Представителемъ послѣдняго типа является графъ Л.
Толстой, гигантскій талантъ котораго, какъ писателя-худо
ника, едва ли кто-либо станетъ отрицать. Но этого людямъ, з
бывающимъ заповѣдь „не сотвори себѣ кумира“, недостаточ

Для нихъ Толстой является кѣмъ-то вродѣ библейска
пророка, а если бы онъ родился католикомъ и судьба в
несла его на папскій престолъ, то тогда, пожалуй, онъ сра
нялся бы если не съ Магометомъ, то, по крайней мѣрѣ,
тибетскимъ Далай-Ламою (въ смыслѣ воздѣйствія теократич
каго элемента на жизнь и строй народовъ и обществъ).

Рецензентъ „Сѣвернаго Вѣстника“, къ счастью, не прина
лежитъ къ столь ярымъ поклонникамъ Л. Н. Толстого. Тѣм
не менѣе онъ находится на пути къ „созданію себѣ кумира
а потому съ легкимъ сердцемъ, отпустивъ нѣсколько ком
лиментовъ по адресу генерала Драгомирова, отвергаетъ пр
изведенную имъ критику романа „Война и Миръ“, при чем
находитъ, что „со стороны этической разсужденія г. Драгом
рова не отличаются ни особеннымъ блескомъ, ни доказате
ностью“.

Читатель, вѣрующій въ непогрѣшимость рецензента „С
вернаго Вѣстника“, выведетъ, конечно, заключеніе, что ген
ралъ Драгомировъ былъ неправъ, осмѣлившись критикова
графа Л. Н. Толстого, и что самый фактъ появленія его ра
бора есть не болѣе не менѣе, какъ своего рода литерату
ное недоразумѣніе, объясняющееся тѣмъ, что генералъ, ка
человѣкъ военный, ощущаетъ потребность отъ времени
времени „дать сигналъ къ атакѣ и безпощадно истребля
дерзновеннаго (статскаго) писателя“. Подобный читатель
обратитъ даже вниманія на то обстоятельство, что, если вѣр
заключеніе рецензента, что „разсужденія г. Драгомирова
отличаются ни особеннымъ блескомъ, ни доказательность
то не за чѣмъ было и обременять его, читателя, лишнимъ о
четомъ о столь мало содержательной бравадѣ военнаго человѣ

Но найдутся и иные читатели, которые прежде всего усомнятся въ справедливости подобной оцѣнки „произведенія“ генерала Драгомирова, затѣмъ прочтутъ самое произведеніе“ и, наконецъ, выведутъ заключеніе, что рецензентъ либо не прочелъ его съ достаточнымъ вниманіемъ, либо не понялъ того, что прочелъ, и что, во всякомъ случаѣ, отрывочныя разсужденія рецензента не выдерживаютъ уже никакой критики „со стороны“ логической.

Эти разсужденія (такъ или иначе относящіяся къ критикѣ „разсужденій“ генерала Драгомирова) обнимаютъ 86 полустрокъ или 43 строки. Рецензентъ не далъ себѣ труда изложить всю сущность разбора романа „Война и Миръ“, произведеннаго генераломъ Драгомировымъ. Мало того, приходится допустить, что онъ не уяснилъ себѣ самому этой сущности, ибо, въ противномъ случаѣ, онъ обратилъ бы вниманіе редакціи (если уже редакція сама этого не понимаетъ) на то, что по данному вопросу или не слѣдуетъ печатать никакого отзыва (упомянувъ лищь о выходѣ брошюры генерала Драгомирова), или, если печатать, то не коротенькую, безсодержательную рецензію, а достаточно обстоятельное извлеченіе съ соотвѣтствующими поясненіями и даже возраженіями (но только не скороспѣлыми, а обдуманными и тщательно мотивированными).

Такъ какъ ни редакція, ни рецензентъ „Сѣвернаго Вѣстника“ не сдѣлали ничего подобнаго, а помѣщенною рецензіею могли только ввести читателей въ заблужденіе, то, въ видахъ справедливости, приходится исправить, насколько возможно, ихъ общій грѣхъ и изложить сущность „разсужденій“ генерала Драгомирова.

Въ высшей степени интересно самое ихъ начало: „Нельзя сказать, чтобы военная литература, особенно за послѣдніе два вѣка, отличалась бѣдностью; нельзя сказать также, чтобы человѣчество обоихъ полушарій было слишкомъ скупо на ту

дѣятельность, которая даетъ матеріалъ для военной лите туры; не смотря на это, мы не знаемъ ничего, или почти і чего, о тѣхъ внутреннихъ процессахъ и явленіяхъ, котор происходятъ въ душѣ человѣка подъ вліяніемъ опаснос Причинъ такому основательному *невѣжеству* [1]) въ дѣлѣ, з нимающемъ довольно видное мѣсто въ жизни народовъ [2] много—и весьма вѣскихъ; но отъ этого ничуть не легче са мому дѣлу, или, лучше сказать, состоянію понятій о немъ ибо никто, конечно, не станетъ спорить противъ того, чт фальшивыя представленія о душевныхъ процессахъ, при ка кой бы то ни было дѣятельности, до добра не доводятъ" (стр. 1

Объясняя затѣмъ, какъ это отразилось на военномъ дѣлѣ авторъ указываетъ на „цѣлыя эпохи" (въ исторіи), въ которы господствовало убѣжденіе, что... „чѣмъ солдатъ ближе къ ав томату, тѣмъ онъ болѣе годенъ для дѣла". По мнѣнію автора это можетъ быть приписано ничему иному, какъ „полному не вниманію къ духовной дѣятельности человѣка, призваннаго дѣйствовать въ массахъ, на боевомъ полѣ, подъ вліяніемъ опасности".

„Многимъ, особенно не изъ военныхъ, пожалуй, покажется что если психическая сторона военнаго дѣла не обращала н себя вниманія изслѣдователей, то это потому, что самое дѣл не заслуживаетъ серьезнаго изслѣдованія, ибо—де война есть не болѣе, какъ остатокъ дикости въ человѣческой натурѣ, съ уничтоженіемъ котораго остатка настанетъ вѣчный миръ и всѣ распри будутъ улаживаться разговоромъ" (стр. 2).

Авторъ не раздѣляетъ этой точки зрѣнія, подсказываемой человѣку „инстинктомъ самосохраненія", не раздѣляетъ, „по тому, что въ природѣ все основано на борьбѣ, а человѣкъ не

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Еще бы невидное: съ 1500 года до Р. Х. и до нашихъ дней, т.-е. въ теченіе 3395 лѣтъ, миръ продолжался только 250 лѣтъ, а въ теченіе остальныхъ 3145 лѣтъ велась война, заносимая на страницы исторіи! Такимъ образомъ миръ является лишь исключеніемъ изъ общаго правила.

можетъ стать выше какого бы то ни было изъ законовъ природы"; этотъ взглядъ онъ подтверждаетъ и словами Лейбница: „вѣчный миръ возможенъ только на кладбищѣ". Тѣмъ не менѣе авторъ не навязываетъ своего мнѣнія никому и продолжаетъ: „Но... если бы война и перестала когда-либо имѣть свое роковое и неизбѣжное значеніе въ развитіи человѣчества, все же она рано или поздно должна сдѣлаться предметомъ всесторонняго изслѣдованія для тѣхъ людей, которымъ дано заглядывать въ глубь внутренняго человѣка и дѣлать осязательнымъ для всѣхъ результатъ своихъ наблюденій: въ видѣ ли художественныхъ образовъ, въ видѣ ли философскаго изслѣдованія — все равно. Война, и только одна война, вызываетъ то страшное и совмѣстное напряженіе всѣхъ духовныхъ сторонъ человѣка, въ особенности воли, которое показываетъ всю мѣру его мощи и которое не вызывается никакимъ другимъ родомъ дѣятельности" (стр. 2—3).

По мнѣнію автора, „невниманіе психологовъ къ тѣмъ явленіямъ, которыя происходятъ въ душѣ человѣка подъ пулями и гранатами, или при разрѣшеніи такихъ вопросовъ, какіе пришлось рѣшать, наприм., Наполеону подъ Маренго или подъ Ватерлоо, лишало ихъ по сіе время самыхъ драгоцѣнныхъ фактовъ для изученія духовной дѣятельности человѣческаго организма"; военные же не занимались этимъ: „одни—по странному предубѣжденію, будто человѣкъ на войнѣ долженъ быть не человѣкомъ, а героемъ, и что, слѣдовательно, должно скрывать передъ непосвященными тѣ муки сомнѣній, колебаній, борьбы съ инстинктомъ самосохраненія, черезъ которыя неминуемо проходитъ въ дѣлѣ всякій военный; другіе — потому, что, позируя передъ обыкновенными смертными въ роли юпитеровъ - громовержцевъ, тщились и въ своихъ сочиненіяхъ не представитъ работу своего ума и воли такъ, какъ она дѣйствительно происходила, а хлопотали объ одномъ только, о томъ, чтобы скрыть процессъ этой работы; третьи, наконецъ,— и таковыхъ масса — не занимались тѣмъ, что происходитъ въ душѣ человѣка во время боя, по той простой причинѣ, что и

сами-то едва помнятъ и сознаютъ, что и какъ съ ними там происходило“ [1]).

„Повѣствованіе о военныхъ событіяхъ и понынѣ еще не выходило изъ эпическаго періода, т. е. изъ того, когда человѣкъ самыя обыкновенныя происшествія расположенъ возводить на степень чудесныхъ, самые обыкновенные и часто не совсѣмъ даже казистые поступки расположенъ считать геройствомъ“.

Авторъ полагаетъ, что „настало, наконецъ, время трезваго отношенія и къ военнымъ событіямъ“ (отъ чего выиграетъ и дѣло): „...красивые эпическіе герои должны сойти со сцены и уступить мѣсто обыкновеннымъ людямъ, съ ихъ великими доблестями и съ ихъ, подчасъ унизительными, слабостями; съ ихъ самоотверженіемъ, доходящимъ до того, чтобы положить голову за други своя,—и съ ихъ себялюбіемъ и своекорыстіемъ, доводящими до стремленія уложить (руками непріятеля) того ближняго, который имъ не пришелся по сердцу; съ ихъ способностью взбираться подъ пулями и гранатами на вертикальныя стѣны безо всякой посторонней подмоги, и съ ихъ обычаемъ давать иногда тылъ и бѣжать безъ оглядки изъ-за одного того, что какому-нибудь негодяю вздумается крикнуть: „мы обойдены“ (стр. 4).

По мнѣнію автора, доказательствомъ тому, что время подобнаго трезваго отношенія къ военнымъ явленіямъ уже настало, служитъ наличность двухъ твореній, представляющихъ „опытъ разсказа о томъ, какъ дѣла дѣлаются, а не какъ они должны бы были дѣлаться“, а именно: романа „Война и Миръ“ гр. Толстого и брошюры генерала Трошю: „L'armée française en 1867“, имѣющихъ въ виду, преимущественно, внутреннюю сторону военныхъ явленій. Второе сочиненіе какъ бы служитъ

---

[1]) Такъ какъ авторъ ничего не говоритъ о тѣхъ военныхъ, кои занимались и занимаются даннымъ вопросомъ, то мы считаемъ долгомъ пояснить, что имѣются и они, хотя и въ небольшомъ числѣ, причемъ во главѣ ихъ не можемъ не поставить самого автора, который въ этомъ отношеніи старается все раскрыть и разъяснить и ничего не скрываетъ.

„исправленіемъ и дополненіемъ“ первому. То, чего не доказалъ [1]) романистъ, взявшись за несвойственную ему роль философа, договариваетъ военный изъ тѣхъ, которые не только дѣлаютъ войну, но и думаютъ о ней, думаютъ, подготовленные къ тому серьезной теоретической работой, а не на основаніи однихъ непосредственныхъ впечатлѣній“.

„Романъ гр. Толстого интересенъ для военнаго въ двоякомъ смыслѣ: по описанію сценъ военныхъ и войсковаго быта и по стремленію сдѣлать нѣкоторые выводы относительно теоріи военнаго дѣла“.

Первыя, т. е. сцены, неподражаемы и... могутъ составить одно изъ самыхъ полезнѣйшихъ прибавленій къ любому курсу теоріи военнаго искусства; вторые, т. е. выводы, не выдерживаютъ самой снисходительной критики по своей односторонности, хотя они и интересны, какъ переходная ступень въ развитіи воззрѣній „на военное дѣло“. Авторъ и старается прослѣдить „Войну и Миръ“ съ поставленныхъ двухъ точекъ зрѣнія.

На первыхъ же порахъ онъ отмѣчаетъ только двѣ „бытовыя мирно-военныя картинки“, но такія, что за каждую изъ нихъ [2]) можно отдать „десять батальныхъ полотенъ самаго лучшаго мастера, самаго большого размѣра“: *смотръ* пѣхотнаго полка на походѣ Кутузовымъ и *инцидентъ* въ гусарскомъ полку съ кошелькомъ Денисова, брошеннымъ въ присутствіи Телянина, *за что-то* переведеннаго въ полкъ изъ гвардіи передъ походомъ. Оцѣнивая первую картинку, авторъ говоритъ: „Подобныя сцены... могутъ имѣть высокопоучительное и отрезвляющее вліяніе... Передъ вами стоитъ, какъ живой, человѣкъ, каждый шагъ котораго, въ прямомъ его дѣлѣ, повергаетъ его въ колебанія и ребяческую тревогу; но лично онъ не возбуждаетъ къ себѣ антипатическаго чувства. Вѣрное изобра-

[1]) Авторъ на столько снисходителенъ къ гр. Толстому, что не говоритъ здѣсь вовсе о томъ, что *пересказалъ* послѣдній, а между тѣмъ рецензентъ еще упрекаетъ автора въ стремленіи къ «безпощадному истребленію» гр. Толстого.

[2]) По автору за первую.

женіе досказываетъ то, чего непосредственно въ немъ вов
и нѣтъ: досказываетъ, что этотъ человѣкъ вышелъ такимъ н
по своимъ свойствамъ, а что его сдѣлала такимъ система" [1]

По поводу второй картинки авторъ высказываетъ глубок
вѣрное соображеніе, что *„не будь фальшивыхъ представлен*
о чести полка, войсковой организмъ легко и свободно очи
тился бы отъ того процента презрѣнныхъ личностей, кот
рыя, бывъ уличены въ чемъ-либо позорномъ въ своей част
все-таки продолжаютъ оставаться въ войскѣ, нанося ем
а иногда даже и прежней своей части, неисчислимый вредъ"
Авторъ находитъ, что эта мысль представляется, какъ ест
ственный логическій выводъ изъ совершенно объективнаго ра
сказа гр. Толстого, и въ этомъ видитъ лучшее свидѣтельст
художественности разсказа [2]).

Далѣе авторъ отмѣчаетъ превосходно очерченный гр. То
стымъ „типъ офицеровъ, жаждущихъ поскорѣе произойти
потому изыскивающихъ кратчайшіе и легчайшіе для того х
ды". Представителями этого типа являются Борисъ Друбецк
и Бергъ. Первый ловко подмѣтилъ, что „въ арміи, кромѣ т
субординаціи и дисциплины, которая была написана въ уста
и которую знали въ полку и онъ зналъ, была другая, бол
существенная субординація, та, которая заставляла генера
почтительно дожидаться въ то время, когда капитанъ кн
Андрей, для своего удовольствія, находилъ болѣе удобны
разговаривать съ прапорщикомъ Друбецкимъ". Съ замѣ
тельною быстротою и непоколебимою рѣшимостью Борисъ
ложилъ „служить впредь не по той писанной въ уставѣ, а
этой, неписанной субординаціи!"

Бергъ не забирается такъ высоко, да и не нуждается
этомъ, ибо обладаетъ снаровкой, не такой утонченной и

---

[1]) Стр. 7—8. Система эта, съ конца царствованія Императрицы Екатерин
и особенно съ 1796 года, дѣйствовала въ направленіи прямо противоположном
правленію расцвѣта Екатерининской эпохи и въ началѣ XIX вѣка уже начала
носить плоды.

[2]) Стр. 16.

строй, но тоже безъ промаха ведущей къ цѣли. Снаровка его заключается „въ умѣньѣ не потеряться, т. е. отмалчиваться передъ начальникомъ, какъ бы онъ ни пушилъ"... Такіе проницательные и находчивые молодые люди не могутъ не пойти далеко; различія же между ними обусловливаются мѣрою способностей и характеромъ національности каждаго [1]).

Не менѣе поучительны, по мнѣнію автора, и боевыя сцены гр. Толстого: вся внутренняя сторона боя, невѣдомая для большинства военныхъ теоретиковъ и мирно-военныхъ практиковъ, а между тѣмъ дающая успѣхъ или неудачу, выдвигается у него на первый планъ въ великолѣпно рельефныхъ картинахъ.

Авторъ предвидитъ возраженіе: „Скажутъ, можетъ быть, что эти Тушины, Тимохины и проч. не болѣе какъ ложь, что ихъ не было на дѣлѣ, а родились они и жили только въ головѣ автора". На это онъ отвѣчаетъ:

„Эти „выдуманные" образы передъ вами живутъ и дѣйствуютъ такъ, что изъ ихъ дѣятельности извлечетъ... неоцѣнимыя практическія указанія всякій, рѣшившійся посвятить себя военному дѣлу и незабывающій въ мирное время, *къ чему* онъ себя готовитъ. Указанія эти такого рода, что мы смѣло ставимъ ихъ на ряду съ указаніями маршала Саксонскаго, Суворова, Бюжо, наконецъ, Трошю"... „Чтобы понять глубокое значеніе и практичность совѣтовъ Трошю [2]), нужно или самому пройти крещеніе огнемъ, или же долго и съ толкомъ вчитываться въ тѣ бѣдные, отрывочные слѣды, которые всякій военный ураганъ оставляетъ за собою въ литературѣ, въ видѣ мемуаровъ очевидцевъ, наставленій болѣе сильныхъ дѣятелей, и т. под. Разсказъ гр. Толстого, именно потому, что онъ передаетъ тотъ же совѣтъ въ образахъ, врѣзываетъ его неизгладимыми чертами въ сознаніе человѣка, хоть сколько-нибудь привыкшаго дѣлать выводы изъ того, что онъ читаетъ. Мало того: раз-

[1]) Стр. 17—18.
[2]) Стр. 20—21.

сказъ показываетъ не только что нужно дѣлать, но и какъ это дѣлается, при извѣстныхъ умственныхъ и нравственныхъ свойствахъ дѣятеля". Такъ, въ отношеніи управленія людьми во время боя, авторъ не знаетъ „ничего выше страницъ, живописующихъ Багратіона въ первыя минуты боя подъ Голлабрюномъ (или Шенграбеномъ)". Послѣ тонко произведеннаго разбора этихъ „страницъ", представляющихъ рядъ „великолѣпно рельефныхъ" картинъ, авторъ заключаетъ: „Вотъ *выдуманные, но живые люди;* они мучатся, гибнутъ, дѣйствуютъ, лгутъ, дѣлаютъ великіе подвиги, низко трусятъ; все это такъ, какъ настоящіе люди; и потому-то они высоко поучительны; и потому-то достоинъ будетъ сожалѣнія тотъ военный дѣятель, который не зарубитъ себѣ, благодаря разсказу гр. Толстого, какъ неразсчетливо приближать къ себѣ господъ въ родѣ Жеркова, какъ зорко нужно приглядываться, чтобы увидѣть въ настоящемъ свѣтѣ Тушиныхъ, Тимохиныхъ; какъ нужно быть проницательно-осторожнымъ, чтобы не произвести въ герои какого-нибудь Жеркова, или исправнаго и столь умно-распорядительнаго послѣ боя безымяннаго полкового командира" [1]).

Естественно, генералъ Драгомировъ обратилъ вниманіе на то, что графъ Толстой „не ограничивается однимъ изображеніемъ военныхъ сценъ и военныхъ типовъ, но вдается и въ теоретическія разсужденія по поводу такихъ, напр., вопросовъ: возможна-ли какая-нибудь теорія въ военномъ искусствѣ? Какія причины вызвали міровое движеніе 1812 года"? Объяснивъ при этомъ, что рѣшенія на эти вопросы даетъ иногда самъ гр. Толстой, а иногда герой его романа, князь Андрей, авторъ разбора признаетъ, что во взглядахъ того и другого есть много общаго, но въ то же время находитъ, что эти взгляды „необходимо отдѣлять", по той причинѣ, что князь Андрей, и по

---

[1]) Стр. 21—37.

своимъ личнымъ свойствамъ, и по времени, въ которое жилъ, не могъ смотрѣть на нѣкоторыя вещи иначе, какъ заставляетъ его авторъ (романа) смотрѣть на нихъ. При томъ же авторъ— живописецъ; кн. Андрей мечталъ быть практическимъ дѣятелемъ; вслѣдствіе этого *одностороннія* [1]) разсужденія того и другого объясняются причинами совершенно различными... То, что въ кн. Андреѣ является слѣдствіемъ жизненныхъ неудачъ, въ авторѣ (романа) есть не болѣе, какъ *увлеченіе, неизбѣжное въ художникѣ, когда онъ выходитъ изъ сферы творчества, свойственной его таланту* [2]). По мнѣнію генерала Драгомирова, „кн. Андрей принадлежитъ къ числу тѣхъ нерѣдко встрѣчаемыхъ характеровъ, которые, по странному капризу природы, представляютъ соединеніе громадныхъ претензій съ недостаткомъ силъ для ихъ удовлетворенія. Гр. Толстой воспроизвелъ этотъ типъ художественно вѣрно; не смотря на всю свою симпатію къ кн. Андрею, онъ выставилъ этого послѣдняго опрометчивымъ, рѣшающимъ вопросы, иногда очень сложные, съ плеча, способнымъ отъ природы, но пустымъ въ практическомъ смыслѣ [3])... Не польстилъ авторъ (романа) своему герою, но распорядился, какъ истинный художникъ: взявъ извѣстныя данныя характера, онъ безпощадно, до конца, развилъ всѣ ихъ послѣдствія". По мнѣнію автора разбора, князь Андрей—это человѣкъ, который изо всѣхъ силъ бился, чтобы *не быть,* а *казаться,* который играетъ роль, который не есть сила, а только претензія на силу" [4])..

Какъ видно, генералъ Драгомировъ, по мнѣнію рецензента „Сѣвернаго Вѣстника", „безпощадно истребляющій" графа Толстого, напротивъ того, обращается съ нимъ въ высшей степени осторожно и деликатно, какъ бы опасаясь, чтобы онъ не разбился. Ничего не имѣемъ противъ примѣненія такого пріема

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Стр. 37—38. Курсивъ нашъ.

[3]) Стр. 38. *Capable de tout et propre à rien.*

[4]) Тамъ же. Это совершенно вѣрно; поневолѣ является вопросъ, понимаетъ-ли самъ гр. Толстой своего героя такъ же вѣрно и тонко, какъ авторъ разбора.

въ подобномъ случаѣ, и если рѣшаемся дополнить соображенія автора заключеніями, которыя вытекаютъ изъ этой части разбора, то да падетъ за это отвѣтственность на рецензента, усмотрѣвшаго „безпощадное истребленіе“ тамъ, гдѣ имѣется лишь довольно сдержанная критика.

Генералъ Драгомировъ превосходно извлекаетъ изъ романа гр. Толстого и комментируетъ все, что такъ или иначе характеризуетъ князя Андрея: „Въ свѣтѣ онъ щурится, едва отвѣчаетъ, всѣхъ и вся третируетъ съ высоты своего величія... Замѣтивъ пустоту сферы, къ которой принадлежалъ, кн. Андрей уже и это вмѣнилъ себѣ въ особенную заслугу... Открывается война 1805 года: кн. Андрей, не стѣсняясь, пользуется привиллегіями той среды, которую, повидимому, такъ презираетъ, и поступаетъ адъютантомъ къ Кутузову, съ мечтою обрѣсти на полѣ сраженія свой „Тулонъ“, т. е. попасть въ Наполеоны. А въ ожиданіи Тулона (онъ)... весьма легко и скоро усвоиваетъ себѣ нравы передней главнокомандующихъ, примѣняя къ дѣлу „неписанную“ субординацію не хуже любого Жеркова... Какъ личность, по своему собственному убѣжденію высокоодаренная, онъ считаетъ для себя лишнимъ то тяжелое, трудовое пребываніе въ подмастерьяхъ, которое одно дѣлаетъ мастеромъ: онъ, не видѣвшій ни разу войны лицомъ къ лицу, является на нее съ готовыми и законченными военными взглядами. Прочитавъ, съ грѣхомъ пополамъ, съ полъ-десятка Фулей подъ разными заглавіями и фамиліями, онъ вообразилъ, что знаетъ до такой степени глубоко военное дѣло, что, выйдя на практику, можетъ только другихъ учить, но самому ему учиться нечему. По счастливой случайности, онъ попадаетъ въ завидное положеніе: получаетъ возможность наблюдать шагъ за шагомъ работу такихъ учениковъ Суворовской школы, какъ Кутузовъ, Багратіонъ. Кажется, чего лучше? Присматривайся, размышляй и вводи въ свои теоретическіе взгляды тѣ поправки, которыя даетъ высшая изъ книгъ—книга жизни. Не тутъ-то было: какъ неисправимый доктринеръ, онъ не можетъ допустить мысли, что онъ ошибается; нѣтъ, скорѣе лжетъ жизнь.

И вотъ онъ удивляется *ничего-недѣланью* Багратіона, собирается заявить свой планъ Аустерлицкаго сраженія на военномъ совѣтѣ, въ который попалъ не по праву, а по личнымъ отношеніямъ къ Кутузову. А факты, между тѣмъ, развиваются своимъ чередомъ, обнаруживая несостоятельность и военныхъ взглядовъ, и претензій кн. Андрея. Ничего нѣтъ удивительнаго послѣ этого, что онъ, убѣдившись изъ горькаго опыта, какъ трудно съ одного скачка попасть въ Наполеоны, начинаетъ проповѣдывать, что и Наполеонъ—вздоръ, и дѣло, которымъ этотъ послѣдній такъ геніально орудовалъ,—тоже вздоръ. Иначе и быть не могло: кн. Андрей до такой степени вѣровалъ въ свои таланты и непогрѣшимость, что, извѣдавъ несостоятельность *своей* теоріи, неминуемо долженъ былъ придти къ выводу, что и *не можетъ быть никакой теоріи въ военномъ дѣлѣ* [1]... Самъ онъ говоритъ, хоть и по другому поводу, что *онъ прощать не способенъ;* какъ же ему было простить теоріи военнаго искусства? Вѣдь онъ такъ жестоко на ней осѣкся... Жаль его, человѣкъ честный, до извѣстной степени; пожалуй, даже способный и съ характеромъ, но практически—пустой. Ищетъ онъ своего призванія вездѣ; но нигдѣ его не находитъ... однимъ словомъ—*маленькій великій человѣкъ, ко всему способный, ни на что не годный.* Правда, онъ былъ живымъ упрекомъ Кутузову въ Бухарестѣ по своей дѣятельности и сдѣлалъ много практическихъ нововведеній у себя въ деревнѣ; но авторъ *разсказываетъ это отъ себя,* не обрисовывая своего героя въ сказанныхъ двухъ положеніяхъ *ни одной сценой*“ [2]).

По мнѣнію генерала Драгомирова, послѣднее есть признакъ большого художественнаго такта со стороны автора романа, такъ какъ сцены, въ которыхъ кн. Андрей явился бы плодотворнымъ практическимъ дѣятелемъ, были бы диссонансомъ

[1]) Не такимъ же ли путемъ пришелъ и самъ гр. Толстой къ своимъ взглядамъ на военное искусство?

[2]) Стр. 38—40.

въ общемъ обликѣ этого характера; въ виду этого „авторъ отъ нихъ и воздержался“. На нашъ взглядъ, само собою является сомнѣніе въ справедливости этой авторской аттестаціи, выданной князю Андрею съ явною цѣлью смягчить неблагопріятное впечатлѣніе, производимое на читателя „общимъ обликомъ“ характера этого героя. И дѣйствительно, дѣятельность князя Андрея въ Бухарестѣ „могла быть весьма усиленною, но въ то же время она могла быть безполезною и даже вредною, равно какъ и „нововведенія въ деревнѣ“.

Генералъ Драгомировъ проявляетъ рѣдкую скромность и осторожность и готовъ удовольствоваться лишь признаніемъ, что въ произведенной имъ характеристикѣ кн. Андрея онъ ничего не навязывалъ ему отъ себя, а только взялъ факты изъ творенія гр. Толстого и освѣтилъ тѣ стороны ихъ, которыя авторъ оставилъ въ тѣни, изъ чувства совершенно понятной симпатіи къ своему герою [1]). Мы, въ свою очередь, находимъ, что генералъ Драгомировъ произвелъ характеристику кн. Андрея мастерски, мало того, что и понимаетъ онъ этого героя лучше, чѣмъ гр. Толстой, но въ то же время не можемъ одобрить гр. Толстого по отношенію къ данному случаю, такъ какъ введеніе имъ напослѣдокъ похвальной аттестаціи кн. Андрею, не вяжущейся вовсе съ предыдущимъ изложеніемъ, представляетъ слишкомъ рѣзкое нарушеніе логики и естественной, правдоподобной связи фактовъ и отношеній. Если гр. Толстой сдѣлалъ это сознательно, то приходится считать это проявленіемъ авторскаго каприза, за которое критики давно бы уже распяли другого писателя; предполагать же, что онъ сдѣлалъ это безсознательно, мы не рѣшаемся.

Только генералъ Драгомировъ и разъясняетъ вполнѣ то, что отчасти затемнено гр. Толстымъ, „почему кн. Андрей относился къ дѣлу, въ которомъ ему не повезло, съ предвзятою, хотя, можетъ быть, и незавѣдомою для него, т. е. совершенно искреннею, односторонностью“. Онъ долженъ былъ: „или

---

[1]) Стр. 41.

признать возможность искусства въ военномъ дѣлѣ и свое въ немъ неискусство; или же оставаться при вѣрѣ съ свои великія способности и тогда отрицать возможность военнаго искусства и военнаго генія. Онъ выбралъ, конечно, послѣднее“ [1]).

Это подтверждается размышленіемъ кн. Андрея по поводу военнаго совѣта, имѣвшаго слѣдствіемъ оставленіе Дрисскаго лагеря, и разговоромъ его же съ гр. Пьеромъ на Бородинскомъ полѣ.

„... Пренія продолжались долго, и чѣмъ дальше они продолжались, тѣмъ больше разгорались споры, доходившіе до криковъ и личностей... Князь Андрей... только удивлялся тому, что они всѣ говорили. Тѣ, давно и часто приходившія ему, во время его военной дѣятельности, мысли, что нѣтъ и не можетъ быть никогда военной науки, *и поэтому* (?) *не можетъ быть никакого, такъ называемаго, военнаго генія,* теперь получили для него совершенную очевидность истины. Какая же можетъ быть теорія и наука въ дѣлѣ, котораго условія и обстоятельства неизвѣстны и не могутъ быть опредѣлены, въ которомъ сила дѣятелей войны еще менѣе можетъ быть опредѣлена?.. Какая же можетъ быть наука въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ, какъ во всякомъ практическомъ дѣлѣ, ничто не можетъ быть опредѣлено, и все зависитъ отъ безчисленныхъ условій, значеніе которыхъ опредѣляется въ одну минуту, про которую никто не знаетъ, когда она наступитъ... И отчего всѣ говорятъ: геній военный. *Развѣ геній тотъ человѣкъ, который во-время умѣетъ велѣть подвезти сухари и идти тому направо, тому налѣво* [2])? Оттого только, что военные люди облечены блескомъ и властью и массы подлецовъ льстятъ власти, придавая ей несвойственныя качества генія. Напротивъ, *лучшіе генералы*, которыхъ я зналъ,—*глупые или разсѣянные*

[1]) Стр. 41.

[2]) Хотя въ романѣ это и говоритъ военный человѣкъ, но наивность подобныхъ взглядовъ до того очевидна, что его слѣдуетъ признать носящимъ лишь военную оболочку, но не возвышающимся до званія воина по существу.

люди [1])... Не только генія и какихъ-нибудь качествъ особенныхъ не нужно хорошему полководцу, но напротивъ ему нужно отсутствіе самыхъ высшихъ, лучшихъ человѣческихъ качествъ... Онъ долженъ быть ограниченъ (!) [2]), твердо увѣренъ въ томъ, что то, что онъ дѣлаетъ, очень важно... и тогда только онъ будетъ *храбрый полководецъ* [3])... Понятно, что изстари еще для нихъ подделали теорію геніевъ, потому что они—власть. Заслуга въ успѣхѣ военнаго дѣла зависитъ не отъ нихъ, а отъ того человѣка, который въ рядахъ закричитъ: пропали [4]), или закричитъ ура [5])"!

По мнѣнію генерала Драгомирова, эта тирада не имѣетъ собственно никакого отношенія къ Дрисскому военному совѣту, а есть плодъ болѣзненно-желчнаго настроенія, охватившаго кн. Андрея послѣ неудачной попытки попасть въ Наполеоны и съ тѣхъ поръ его не покидавшаго. Дѣйствительно, если неурядица этого военнаго совѣта и могла привести безпристрастнаго человѣка къ какому-либо заключенію, то развѣ къ тому, которое о совѣтахъ высказано еще Евгеніемъ Савойскимъ: „лучшее средство ни на что не рѣшиться—это спросить мнѣніе у военнаго совѣта". Поэтому-то военные люди, понимающіе, какъ дѣла дѣлаются, собираютъ совѣты не затѣмъ, чтобы получить отъ нихъ рѣшеніе, а напротивъ—затѣмъ, *чтобы вдохнуть въ нихъ свою собственную рѣшимость*. Таковъ былъ совѣтъ Кутузова въ Филяхъ, Наполеона послѣ Асперновской неудачи, Фридриха передъ Лейтенскимъ сраже-

---

[1]) и [2]) Жаль, что ни кн. Андрей, ни гр. Толстой не подумали о томъ, что изъ всей массы полководцевъ *великими* признаются не болѣе десяти, и кто же: Александръ В., Аннибалъ, Цезарь, Густавъ Адольфъ, Тюреннъ, принцъ Евгеній, Петръ В., Фридрихъ В., Суворовъ и Наполеонъ I. Нужно отличаться крайнимъ невѣжествомъ, чтобы утверждать, что это были ограниченные и т. п. люди.

[3]) Курсивъ нашъ. Кн. Андрей и гр. Толстой хотя и служили въ войскахъ, но такъ и остались диллетантами въ военномъ дѣлѣ, не умѣющими даже подыскать подходящихъ выраженій. Неудивительна у нихъ поэтому и нѣкоторая путаница въ понятіяхъ.

[4]) Заслуга этого человѣка не признается никѣмъ кромѣ гр. Толстого.

[5]) Стр. 41—44.

ніемъ... Въ собраніи сколько головъ, столько и умовъ: нечего, слѣдовательно, и ожидать отъ собранія постановки какой-нибудь *одной* мысли, или цѣли: это—принадлежность *единичной* головы; собраніе, въ свою очередь, получивъ мысль, разрабатываетъ подробности ея осуществленія и разноситъ ее по всему воинскому организму. Дрисскому совѣту предоставлена была роль, совѣту несвойственная, и будь онъ составленъ не изъ Армфельдовъ, Фулей и проч., а хоть изъ Наполеоновъ, онъ ни къ чему иному не привелъ бы, кромѣ пустыхъ безплодныхъ споровъ и пререканій.

„Военное искусство тутъ ни при чемъ. Князю же Андрею кажется, будто неурядица этого совѣта служитъ подтвержденіемъ того, что нѣтъ и не можетъ быть ни науки, ни теоріи въ военномъ дѣлѣ, ни, наконецъ, военнаго генія"... Въ свою очередь, генералъ Драгомировъ полагаетъ, что неурядица Дрисскаго военнаго совѣта лучше всего показываетъ значеніе „теоріи военнаго дѣла", ибо зная ее, не забыли бы и того, чего можно ожидать отъ военнаго совѣта и чего нельзя [1]).

„Чтобы увѣрить себя въ несуществованіи противной теоріи военнаго искусства, кн. Андрей опирается, между прочимъ, и на то даже, что у всякаго изъ присутствовавшихъ былъ свой особенный планъ на одно и то же дѣло: неужели же ему была недоступна [2]) та простая и осязательная мысль, что къ каждой практической цѣли ведутъ тысячи путей, и что дѣло въ томъ, чтобы дойти до нея, а не въ томъ, чтобы дойти непремѣнно извѣстнымъ путемъ? Вѣдь и въ математикѣ одно уравненіе со многими неизвѣстными получаетъ безчисленное множество рѣшеній; вѣдь и математика не даетъ правилъ на то, какъ составлять изъ вопроса уравненіе; но слѣдуетъ ли изъ того, что теорія математики не имѣетъ положительнаго значенія?"

---

[1]) Стр. 45.

[2]) Мысль эта *была* недоступна князю Андрею, равно какъ *была* и *есть* недоступна гр. Толстому.

„Смѣшавъ понятія о наукѣ и о теоріи, кн. Андрей (а слѣдовательно, въ данномъ случаѣ и гр. Толстой) силится доказать, что въ военномъ дѣлѣ нѣтъ ни науки, ни теоріи и, *слѣдовательно* (!), не можетъ быть военнаго генія: опять выводъ, показывающій одно, что кн. Андрей былъ не способенъ что бы то ни было разобрать послѣдовательно и безъ логическихъ скачковъ. Во-первыхъ наука и теорія вовсе не одно и то же [1]), ибо теорія возможна и необходима во всякомъ искусствѣ; наука же въ немъ немыслима. Во-вторыхъ, чѣмъ труднѣе какое-либо дѣло, тѣмъ рѣже возможны мастера въ немъ и тѣмъ болѣе они принадлежатъ къ категоріи тѣхъ исключительныхъ личностей, которыхъ называютъ геніями“ [2]).

Далѣе генералъ Драгомировъ развиваетъ оба эти положенія, изъ коихъ по отношенію ко второму его разсужденія безусловно вѣрны и не вызываютъ никакихъ возраженій; первое же, наоборотъ, представляется недоказаннымъ, не взирая на категорическое заявленіе съ поясненіями автора разбора: „Въ настоящее время никому въ голову не придетъ утверждать будто можетъ быть *военная наука;* она немыслима точно также, какъ немыслимы науки: поэзіи, живописи, музыки; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы не было теоріи военнаго искусства, точно такъ же, какъ она существуетъ во всякомъ мирномъ искусствѣ [3])“... Прежде всего является вопросъ, отчего авторъ разбора сравниваетъ *военное искусство* именно съ тѣми искусствами, которыя имѣютъ съ нимъ меньше общаго, и забываетъ о *врачебномъ искусствѣ*, которое скорѣе вышеупомянутыхъ можетъ быть сравниваемо съ военнымъ. Можетъ быть, авторъ разбора отрицаетъ и *медицинскую науку*; но въ такомъ случаѣ онъ оказался бы на земномъ шарѣ если не въ единственномъ числѣ, то въ меньшинствѣ. Затѣмъ и (это главное) авторъ разбора упускаетъ изъ виду, что мыслящее человѣче-

[1]) «Въ томъ смыслѣ, что всякая наука есть теорія; но не всякая теорія можетъ быть наукой» (поясненіе генерала Драгомирова).

[2]) Стр. 45—46.

[3]) Стр. 46.

ще не выработало не только общепри
колько нибудь прочно установившаго по
одячія въ обществѣ ея опредѣленія уж
творительны [1]). Въ виду этого недоста
аука и теорія вовсе не одно и то же"
ои этомъ достаточно точное опредѣлені
) крайней мѣрѣ, хотя бы одной злополуч
до сихъ поръ представляется чѣмъ-то в
э на нуль и о которой, однако, говорят
еціалисты, но и всѣ вообще желающіе
бы о чемъ-то всѣмъ имъ хорошо извѣст
ечные споры, не только не разъясняющіе
яющіе сущность дѣла. Само собою разу
обѣлъ долженъ былъ бы быть устранен
, и только послѣ этого ученые и мысли
ли бы возможность дать удовлетворитель
о существованіи военной науки; если ж
ть его безотлагательно, то они и должн
рѣшить вышеуказанную задачу, выпадаю
ослѣднимъ, пожалуй, и придется такъ по
), что первые вовсе объ этомъ не думаютъ
ваютъ большую склонность къ рѣшені
дихъ изъ сферы ихъ компетенціи и к
азрѣшимыхъ, какъ задача отысканія квад
ратуры круга, напр имѣръ бьются безъ толку надъ вопросомъ
о прекращеніи войнъ.

Конечно, въ настоящей статьѣ мы не можемъ принять на себя рѣшенія вопроса о томъ, что такое *наука* и т. д., а потому не считаемъ пока своевременнымъ ставить ребромъ вопросъ о существованіи полноправной *военной науки* (или только терпимой, какъ неизбѣжное зло, *теоріи*). Отмѣтимъ лишь, что всѣ такъ или иначе обсуждавшіе послѣдній во

[1]) Среди нашихъ военныхъ ученыхъ имѣются ревностные приверженцы *Конта*, удовлетворяющіяся его опредѣленіями; но мы, къ сожалѣнію, не можемъ послѣдовать за ними вполнѣ.

просъ, принадлежатъ къ тремъ направленіямъ: а) одни, какъ генералъ Драгомировъ, отрицаютъ „военную науку“, но признаютъ „теорію военнаго искусства“; б) другіе представители знанія (также специалисты) признаютъ „военную науку“, что объясняется тѣмъ, что они понимаютъ „науку“ вообще не такъ, какъ первые [1]); наконецъ, в) третьи, большею частью диллетанты въ военномъ дѣлѣ, отрицаютъ и „военную науку“, и „теорію военнаго искусства“, при чемъ вопросъ о томъ, смѣшиваютъ ли они ту и другую, или нѣтъ, получаетъ уже второстепенное значеніе.

Князь Андрей и графъ Толстой принадлежатъ къ послѣднему направленію. Генералъ Драгомировъ, хотя и полемизируетъ попутно съ возможными [2]) представителями второго направленія, но поражаетъ собственно князя Андрея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гр. Толстого, и насколько мало убѣдительны его доводы, направленные противъ „военной науки“, настолько же неотразимы аргументы, приводимые имъ для опроверженія взглядовъ героя и автора романа.

„Князь Андрей какъ будто и самъ почувствовалъ, что, начавъ съ этого конца, пожалуй, докажешь обратное тому, что хочется доказать, и вслѣдствіе этого перемѣняетъ дирекцію, обращаясь къ разбору личныхъ качествъ лучшихъ генераловъ, ему извѣстныхъ. Выходитъ у него, что все это—глупые или разсѣянные люди... Онъ ставитъ въ вину генераламъ недостатокъ не тѣхъ качествъ, которыя имъ необходимы, а тѣхъ, которыя совершенно излишни. Начинаетъ онъ съ указанія на Багратіона, забывъ даже, что въ обыденной жизни можно быть глупѣе послѣдняго свѣтскаго фата, а въ своей специальности стоять весьма высоко, забывъ даже, какъ самъ онъ былъ не-

---

[1]) Существованіе первыхъ двухъ направленій, взаимно противоположныхъ другу другу, не только не препятствуетъ успѣху дѣла, но, напротивъ того, обезпечиваетъ его.

[2]) Хотя генералъ Драгомировъ и говоритъ, что «въ настоящее время никому въ голову не придетъ утверждать, будто можетъ быть военная наука», но это, очевидно, съ его стороны лишь полемическій пріемъ.

одолимо увлеченъ въ атаку этимъ „глупымъ“ человѣкомъ: увлеченъ такъ, какъ ему, умнику, увлекать не приходилось. Но кн. Андрей не останавливается на Багратіонѣ: ему и „Наполеонъ въ родѣ бородавки“. „А самъ Бонапарте!“ размышляетъ онъ: „я помню самодовольное и ограниченное его лицо на Аустерлицкомъ полѣ“ [1]). Послѣ горькихъ уроковъ кн. Андрей остался, должно быть, очень *молодымъ* [2]), если считалъ возможнымъ дѣлать оцѣнку геніальности или ограниченности по выраженію лица человѣка, котораго онъ видѣлъ... мимолетомъ, только разъ въ жизни, и не сказалъ ни одного слова съ тѣмъ человѣкомъ... Подобной оцѣнки можно было бы ожидать развѣ только отъ институтки, которая, влюбившись по портрету въ какого-либо героя, теряетъ къ нему не только симпатію, но даже уваженіе, увидавъ неказистую его наружность въ натурѣ“... „Не только генія и какихъ-нибудь качествъ особенныхъ не нужно хорошему полководцу, но напротивъ, ему нужно отсутствіе самыхъ высшихъ и лучшихъ человѣческихъ качествъ— любви, поэзіи, нѣжности, философскаго, пытливаго сомнѣнія“.

„А воля, замѣчаетъ генералъ Драгомировъ, увлекающая сотни тысячъ людей и внушающая имъ безграничную, собачью преданность къ такому, какъ и они, человѣку? А умъ, способный воспринимать всѣ впечатлѣнія съ такой изумительною вѣрностью, что по отдѣльнымъ, разрозненнымъ намекамъ онъ способенъ отгадать намѣренія противника, иногда во всемъ ихъ объемѣ? Для всякаго рода геніальности требуется сильное развитіе одной какой-либо, или нѣсколькихъ, но далеко не всѣхъ сторонъ души человѣческой. Съ точки зрѣнія князя Андрея можно, вообще, отрицать существованіе геніальности. Дѣйствительно: возьмемъ, напр., геніальнаго поэта...; объ немъ можно также сказать: что же это за геній? У него нѣтъ даже на столько воли, чтобы не подчиняться своему лакею,

[1]) Ясно, что кн. Андрей не имѣетъ никакого понятія о сущности этого сраженія.

[2]) Курсивъ нашъ. Не слишкомъ ли вѣжливо?

или ключницѣ; а воображеніе до того беретъ у него перевѣсъ надъ умомъ, что онъ на каждомъ шагу дѣлаетъ себѣ изъ мухи слона. Такимъ путемъ можно отрицать что угодно; скажутъ вамъ: какая талантливая танцовщица! помилуйте, возразите вы: да она ни одной ноты вамъ не возьметъ!.. Способный дѣлать подобные приговоры, конечно, будетъ правъ; ибо фактъ можетъ быть дѣйствительно вѣренъ: танцовщица можетъ не имѣть понятія о пѣніи... Но составляетъ ли это недостатокъ для той спеціальности, въ которой они сильны? Вотъ въ чемъ вопросъ; къ сожалѣнію, для людей, разсуждающихъ подобно кн. Андрею, этотъ вопросъ останется навсегда непостижимымъ“ [1]).

„Заслуга въ военномъ дѣлѣ зависитъ не отъ нихъ (полководцевъ), а отъ того человѣка, который въ рядахъ закричитъ: пропали! или закричитъ: ура!..“ „Отчего же происходитъ, что въ однихъ войскахъ чаще случается ура! а въ другихъ: пропали? Вѣдь если бы это была чистая случайность, ей не было бы резона повторяться чаще въ одной, нежели въ другой арміи? Отвѣтъ на это одинъ: „ура“ и „пропали“ зависитъ отъ умѣнья или неумѣнья начальника поднять нравственный уровень своихъ войскъ до той степени, на которой они являются менѣе подверженными вліянію неожиданностей. Отчего у Суворова *никогда* не бѣжали, у Багратіона подъ Голлабрюномъ тоже не побѣжали, а подъ Аустерлицемъ побѣжали? Слѣдовательно „ура“ и „пропали“ является вовсе не такою случайностью, какъ то кажется князю Андрею. У начальника, владѣющаго даромъ поддерживать нравственное настроеніе войскъ на извѣстной высотѣ, „пропали“ станетъ если не совершенно немыслимою, то во всякомъ случаѣ весьма рѣдкою случайностью. *Все это фактъ неопровержимый и очевидный для всякаго безпристрастнаго наблюдателя*“ [2]).

---

[1]) Непостижимъ онъ и для гр. Л. Н. Толстого.

[2]) Курсивъ нашъ. Яснѣе говоря, генералъ Драгомировъ отказываетъ въ безпристрастіи и гр. Толстому, въ чемъ съ нимъ нельзя не согласиться.

„Еще древніе подмѣтили эту зависимость настроенія массы отъ способности *одного,* выразивъ ее чрезвычайно мѣткой поговоркой: *лучше армія барановъ, предводимая львомъ, чѣмъ армія львовъ, предводимая бараномъ.* И что это такъ, кн. Андрей видѣлъ подъ Голлабрюномъ, или, по крайней мѣрѣ, могъ видѣть, если бы добивался правды, а не разсуждалъ бы только изъ-за желанія убѣдить себя въ томъ, что болѣе пріятно его самолюбію“ [1]).

Столь же убѣдительно генералъ Драгомировъ выясняетъ нелѣпость разсужденій князя Андрея въ его разговорѣ съ Пьеромъ на Бородинскомъ полѣ [2]), послѣ чего приступаетъ къ оцѣнкѣ *теоретическихъ воззрѣній,* принадлежащихъ собственно гр. Толстому. По его мнѣнію, эти воззрѣнія носятъ на себѣ отпечатокъ односторонности, составляющей послѣдствіе сильной стороны его таланта, т. е. способности живописать отдѣльныя явленія.

„Всякій живописецъ, для того, чтобы картина была вѣрна, долженъ рисовать ее съ одной точки... Понятно, что кто привыкъ работать въ сферѣ, требующей, для выполненія задачи, не сходить... съ одной точки, тотъ, при малѣйшей оплошности [3]), впадетъ въ эту манеру и тамъ, гдѣ она совершенно перестанетъ соотвѣтствовать природѣ поставленной цѣли. Отъ этого и происходитъ, что большинство живописцевъ — плохіе философы, и наоборотъ: почти всѣ философы—плохіе живописцы... Первымъ трудно сдвинуться съ одной точки зрѣнія; вторымъ, напротивъ, невозможно остановиться на одной точкѣ зрѣнія... Лучшее подтвержденіе сказанному—Гоголь... Сильный въ одномъ извѣстномъ направленіи, онъ потерпѣлъ полное

---

[1]) Стр. 46—53.

[2]) Стр. 53—56.

[3]) Совершаемой тѣмъ легче, чѣмъ болѣе имѣется склонности къ тому, чтобы считать себя непогрѣшимымъ.

фіаско, какъ только вздумалъ сойти съ этого направленія... То же случилось и съ гр. Толстымъ" [1]).

„Система его воззрѣній, собственно историческихъ, приводится къ слѣдующему: Война — событіе, противное человѣческому разуму и *всей* человѣческой природѣ; причины, которыя выставляются историками войнѣ 12 года, несостоятельны: „для насъ непонятно, чтобы милліоны людей-христіанъ убивали и мучили другъ друга, потому что Наполеонъ былъ властолюбивъ, Александръ твердъ, политика Англіи хитра и герцогъ Ольденбургскій обиженъ. Нельзя понять, какую связь имѣютъ эти обстоятельства съ фактомъ убійства и насилія".. [2]).

Генералъ Драгомировъ выясняетъ несообразность этой „системы историческихъ воззрѣній" автора романа; при этомъ болѣе другихъ интересны слѣдующія его положенія и разъясненія: а) „война есть дѣло, противное *не всей человѣческой природѣ, а только одной сторонѣ этой природы—именно человѣческому инстинкту самосохраненія,* что далеко не одно и то же"; „взявъ это въ разсчетъ, односторонность положенія гр. Толстого открывается сама собою; онъ могъ сказать, что война противна человѣческому инстинкту самосохраненія — и только; но вовсе не противна всей человѣческой природѣ *и въ особенности разуму"*; б) „иногда она противна разуму, иногда нѣтъ: зависитъ отъ того, *за что* война ведется; какъ сила вершающая, разумъ не подчиняется никакимъ узенькимъ нормочкамъ азбучной морали"; в) „если бы война была противна человѣческой природѣ, то человѣкъ никогда бы и не воевалъ: между тѣмъ вся исторія показываетъ обратное [3]): не только воюетъ, но даже иногда воюетъ изъ-за побужденій нелѣпыхъ, ибо человѣку дорога не истина, а то, что въ данную минуту онъ принимаетъ за истину; можетъ быть, скажутъ, что это злоупотребленіе войною указываетъ на ея противоестественность;

---

[1]) Стр. 56—58.

[2]) Стр. 56—59.

[3]) См. выше, выноску 2, на стр. 6.

тогда нужно признать, что все существующее нелѣпо и противоестественно, ибо чѣмъ же нельзя злоупотреблять?" г) „война—явленіе, отъ человѣческой воли независящее: не даромъ Пироговъ называлъ ее *травматическою эпидеміею*"; д) „убійства и насилія" такъ относятся къ „властолюбію Наполеона" и пр., какъ средство къ цѣли; нужно быть, или желать быть сильно предубѣжденнымъ, чтобы не видѣть этой связи; впрочемъ, связь эта затушевана авторомъ, благодаря ловкой антитезѣ между фактами убійства и насилія съ одной стороны и честолюбіемъ Наполеона и проч.—съ другой; такимъ путемъ можно затушевать что угодно, напримѣръ, можно поставить вопросы: что общаго между фактомъ убійства быка и свойствомъ человѣка утолять свой голодъ, между жертвою извѣстнаго числа рублей и необходимостью прикрыть тѣло отъ атмосферическихъ вліяній и т. п.; е) подобныя антитезы могутъ показать только нежеланіе видѣть связь тамъ, гдѣ она есть; но доказать онѣ ничего не могутъ; ж) „Императоръ Александръ, благодаря своей твердости, ставитъ себѣ цѣлью не положить оружія, пока хоть одинъ непріятель останется на русской землѣ; и, какъ извѣстно, онъ достигъ этой цѣли, благодаря тому, что рѣшился пожертвовать сотнями тысячъ людей и временнымъ подрывомъ благосостоянія нѣсколькихъ губерній"... „если народъ нуждается въ достиженіи какой бы то ни было цѣли, важной для его существованія, онъ долженъ пожертвовать для ея достиженія извѣстной массой личныхъ и матеріальныхъ частицъ своего собственнаго организма; если между этой жертвой и цѣлью, для которой она приносится, нѣтъ никакой связи, то должно, вмѣстѣ съ тѣмъ, признать, что вообще нѣтъ никакой связи между любой жертвой со стороны человѣка и цѣлью, для достиженія которой онъ рѣшается на жертву"; з) находя причины войны 1812 года, выставляемыя историками, далеко не достаточными и *потому ложными*, гр. Толстой дѣлаетъ „логическій скачекъ: ибо изъ того, что *не все* сказано, не слѣдуетъ вовсе, будто *то, что сказано*, ложно"; и) рядомъ съ признанными причинами и поводами—то и другое гр. Толстой

смѣшиваетъ — онъ выставляетъ свои, не имѣющія никакого основанія, наприм., „желаніе или нежеланіе перваго французскаго капрала поступить на вторичную службу"; если бы, однако, гр. Толстой пожелалъ указать примѣръ, чтобы война не состоялась изъ-за нежеланія солдатъ идти на службу, то такого примѣра въ исторіи онъ бы не нашелъ, ибо „подобный случай противорѣчитъ существеннымъ условіямъ органической жизни массъ" [1]), такъ какъ „въ организмѣ живомъ и здоровомъ... всякій отдѣльный атомъ *не можетъ* не хотѣть того, чего хочетъ та высшая сила въ организмѣ, которая и дѣлаетъ его организмомъ, и безъ которой онъ есть не болѣе, какъ безжизненная куча безучастныхъ другъ къ другу частицъ"; і) утверждая, что *„ничто не было исключительной причиной событія"*, гр. Толстой „споритъ съ мнимымъ историкомъ", ибо всѣ историки „признаютъ *совокупность* причинъ": объясненіе же его, что *„событіе должно было совершиться только потому, что оно должно было совершиться"*, ниже самаго неудовлетворительнаго объясненія, подобно тому, какъ „поясненіе грома тѣмъ, что Илья пророкъ по небу ѣздитъ, стоитъ неизмѣримо выше такого объясненія, что громъ гремитъ потому, что онъ долженъ гремѣть"; к) ставъ на подобный путь, гр. Толстой пошелъ весьма далеко — задался вопросомъ: „когда созрѣло яблоко и падаетъ, — отчего оно падаетъ? оттого ли, что тяготѣетъ къ землѣ, оттого ли, что засыхаетъ стерженъ, оттого ли, что сушится солнцемъ, что тяжелѣетъ, что вѣтеръ стрясетъ его, *оттого ли, что стоящему внизу мальчику хочется съѣсть его?"*

Изъ послѣдняго примѣра генералъ Драгомировъ выводитъ заключеніе, исполненное ироніи: „какъ пріятно читать талантливаго человѣка, который если станетъ на ошибочную точку зрѣнія, то уже не остановится предъ послѣдствіями и разовьетъ

---

[1]) Приводить подобную причину это то же, что, разбирая причины драки двухъ человѣкъ, Ивана и Петра, признать одною изъ ея причинъ «желаніе или нежеланіе перваго атома въ рукѣ Петра участвовать въ дракѣ; ибо ежели бы этотъ атомъ не захотѣлъ въ ней участвовать...—драки могло бы и не быть».

свой тезисъ до того, что предвзятая односторонность его станетъ ясна для всякаго“ [1]); мы же, въ свою очередь, отъ имени читателей, не впадающихъ въ идолопоклонство, не можемъ не выразить признательности генералу Драгомирову, который хотя и въ высшей степени сдержанно и вѣжливо, но въ то же время и вполнѣ ясно доказалъ, что разсмотрѣнныя имъ историческія воззрѣнія гр. Толстого грѣшатъ наивностью и отсутствіемъ логической связи, вся система этихъ воззрѣній есть зданіе, построенное на пескѣ, результаты его разсужденій представляютъ чуть ли не одно сплошное „**reductio ad absurdum**“, а самъ гр. Толстой сильно напоминаетъ извѣстнаго изъ басни „метафизика“.

Историческія воззрѣнія автора романа выдѣлены имъ въ особыя главы, а потому „односторонность ихъ бросается въ глаза сразу. Не то вышло съ военными воззрѣніями; эти послѣднія проводятся у него какъ бы вскользь, по дорогѣ, подъ прикрытіемъ мастерски, но тенденціозно представленныхъ фактовъ. Отъ этого военные взгляды автора не только не поражаютъ сразу односторонностью, а, напротивъ, являются для неподготовленнаго и предварительно закупленнаго мастерской картинкой читателя какъ бы естественнымъ выводомъ изъ этой картинки“.

Образчикъ этой манеры бросается въ глаза въ извѣстныхъ разсужденіяхъ кн. Андрея, помѣщенныхъ вслѣдъ за изображеніемъ неурядицы Дрисскаго совѣта. Вслѣдъ затѣмъ „авторъ пускаетъ кн. Андрея съ его монологомъ противъ теоріи военнаго дѣла и противъ возможности военнаго генія, несмотря на то, что между неурядицей какого бы то ни было военнаго совѣта, не имѣющаго руководителя, и сказанными предметами нѣтъ ничего общаго“. „Этой же манеры авторъ держится и въ тѣхъ случаяхъ, когда хочетъ провести отъ себя какіе-либо военные взгляды сомнительнаго свойства. *Открыть*

[1]) Стр. 59—66.

это сомнительное свойство взглядовъ не трудно [1]), ибо почти во всѣхъ подобныхъ случаяхъ авторъ такъ *проговаривается*' что *внимательному читателю даетъ самъ противъ себя опровержепіе*" [2]).

Такъ, напримѣръ, описаніе атаки Ростова „показываетъ совершенно ясно, что Ростовъ рѣшился на атаку далеко не зря, хотя и быстро: процессъ чувственной и духовной работы, неизбѣжный при всякой атакѣ, тутъ совершенно ясенъ; всѣ моменты этой работы (увидѣть, обсудить, рѣшиться, исполнить рѣшимость) налицо. Но автору нужно свернуть на свою любимую тему, что все дѣлается само собою, — и вотъ онъ отъ только что высказанныхъ мыслей прямо переходитъ къ тому, будто „Ростовъ самъ не зналъ, какъ и почему онъ это сдѣлалъ. Все это онъ сдѣлалъ, какъ онъ дѣлалъ на охотѣ, не думая, не соображая!"

Недоумѣвая въ виду столь „грубаго противорѣчія между началомъ и концомъ одной и той же страницы", генералъ Драгомировъ спрашиваетъ: „Неужели онъ разсчитывалъ только на такихъ *читателей, которые, добравшись до конца страницы,* даже разгонисто напечатанной, *забываютъ ея начало?* [3]). Неужели же, наконецъ, авторъ не признаетъ, что то, что дѣлается быстро и какъ бы по инстинкту, предшествуется полнымъ психическимъ процессомъ наблюденія, соображенія и рѣшенія, который происходитъ мгновенно, *но все же происходитъ?*"...

---

[1]) Курсивъ нашъ. Не трудно для такого читателя, какъ авторъ разбора. Къ сожалѣнію, людей, сколько-нибудь оріентирующихся въ туманѣ, напущенномъ авторомъ романа (не говоря уже о такомъ оріентированіи, какое замѣчается у генерала Драгомирова) весьма мало. Масса предпочитаетъ слѣпо преклоняться.

[2]) Курсивъ нашъ. Не многаго требуетъ отъ читателей генералъ Драгомировъ, но въ данномъ случаѣ и это требованіе чрезмѣрно: громадное большинство читателей должно быть причислено къ разряду «*невнимательныхъ*».

[3]) На какихъ читателей разсчитывалъ гр. Толстой, неизвѣстно, но масса ихъ именно такова: добравшись до конца страницы, забываетъ ея начало. А есть еще и такіе, которые критикуютъ тѣ или другія книги, прочитавъ лишь нѣкоторыя ихъ страницы.

„Вышеприведенныя строки и не нашли бы мѣста въ его описаніи, если бы не стремленіе исподволь подготовить читателя къ тѣмъ умствованіямъ, въ силу которыхъ выходитъ, что человѣкъ никогда самъ не знаетъ, что дѣлаетъ; что онъ не болѣе, какъ маріонетка въ чьихъ-то рукахъ, и что всему происходящему *ничто не причина*... Въ началѣ второй части IV тома авторъ идетъ еще дальше: онъ открываетъ, что Ростовъ поскакалъ въ атаку только потому будто бы, что онъ не могъ удержаться отъ желанія проскакать по ровному полю! Можно подумать, что авторъ, когда онъ писалъ эту фразу, и самъ забылъ о написанномъ выше"... „Далѣе подобныя противорѣчія встрѣчаются не только на одной страницѣ, но иногда даже въ одной фразѣ" [1]).

Такъ, въ сценѣ доклада дежурнаго генерала Кутузову, послѣдній безразлично слушалъ, что ему говорили Денисовъ и потомъ дежурный генералъ. Изъ этого выводится слѣдующее положеніе: „Очевидно было, что Кутузовъ презиралъ умъ и знаніе и даже патріотическое чувство, которое выказывалъ Денисовъ; но презиралъ не умомъ, не чувствомъ, не знаніемъ... а онъ презиралъ ихъ чѣмъ-то другимъ. Онъ презиралъ ихъ своей старостью, своей опытностью жизни". По мнѣнію генерала Драгомирова, „*совокупность выводовъ, сдѣланныхъ изъ фактовъ, составляетъ опытность,* и есть то плодотворное *знаніе*, которое можетъ пригодиться и въ будущемъ. Знаніе только факта—безплодно: это будетъ опытность мула принца Евгенія, который, сдѣлавъ десять кампаній, не сталъ отъ этого опытнѣе и свѣдущѣе въ военномъ дѣлѣ. Если это такъ, то и окажется, что Кутузовъ презиралъ и знаніе и умъ—не умомъ, не знаніемъ, а чѣмъ-то другимъ, именно тѣмъ же знаніемъ и умомъ! Кутузовъ принималъ очень хладнокровно многое такое, изъ за чего другіе сильно горячились, вовсе не по презрѣнію къ уму и знанію, а по своему превосходству въ умѣ и знаніи надъ тѣми, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло".

---

[1]) Стр. 66—68.

Далѣе оказывается, что Кутузовъ обладалъ „способностью не увлекаться, т. е. спокойно созерцать событія, которая кн. Андрею казалась презрѣніемъ къ тому, что Кутузову докладывали". *У него не будетъ ничего своего* [1]). Онъ ничего не придумаетъ, ничего не предприметъ, думалъ кн. Андрей, но онъ все выслушаетъ, все запомнитъ, все поставитъ на свое мѣсто, ничему полезному не помѣшаетъ и ничего вреднаго не позволитъ". „Нельзя лучше очертить,—замѣчаетъ генералъ Драгомировъ,—то, что требуется отъ полководца: приведенная фраза почти изъ слова въ слово есть повтореніе мнѣнія Наполеона о томъ же предметѣ [2]). Въ штабахъ... всегда находится бездна совѣтниковъ...; если отъ этого нельзя избавиться, остается одно: знать кого слушать, кого не слушать; Кутузовъ самъ ничего не придумывалъ, положимъ [3]), но онъ выбиралъ кого слушать, кого нѣтъ, слѣдовательно онъ былъ главнымъ дѣятелемъ: въ практикѣ идея принадлежитъ не тому, кто первый ее высказалъ, но тому, кто беретъ на себя рѣшимость ее осуществить, съ отвѣтственностью за послѣдствія осуществленія. Итакъ, изъ послѣднихъ разсужденій самого кн. Андрея видно, что Кутузовъ обладалъ качествами и способностями, необходимыми для полководца. Онъ не только *„все поставитъ на свое мѣсто"* и *„ничему полезному не помѣшаетъ"*, но еще и *„ничего вреднаго не позволитъ"*. Послѣднее доказываетъ наличность у Кутузова сильной воли. Между тѣмъ гр. Толстой, угостивъ читателя случайно ложкой меду, спѣшитъ тотчасъ же поднести ему приличную дозу дегтю: „онъ (Кутузовъ) понимаетъ, что есть что-то значительнѣе и сильнѣе его воли,—это неизбѣжный ходъ событій, и онъ умѣетъ видѣть ихъ, умѣетъ

[1]) Очевидно, гр. Толстой не знакомъ съ ходомъ операцій на Дунаѣ въ кампанію 1811 года, ибо, въ противномъ случаѣ, онъ долженъ былъ бы сказать: у него не будетъ ничего своего тамъ, гдѣ въ своемъ не будетъ надобности, и т. п.

[2]) Стр. 70. «Mémoires pour servir à l'histoire de Napoléon», V.

[3]) Случалось, что и Кутузовъ самъ придумывалъ. То, что онъ придумалъ и сдѣлалъ въ 1811 году подъ Рущукомъ, не хуже того, что придумывалъ и дѣлалъ хотя бы самъ Наполеонъ.

понимать ихъ значеніе *и въ виду этого значенія умѣетъ отрекаться отъ участія въ этихъ событіяхъ, отъ своей личной воли, направленной на другое" (?)*

Генералъ Драгомировъ отказывается „понять, какимъ образомъ человѣкъ, свободный въ выборѣ любого изъ дѣлаемыхъ ему предложеній, можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отречься отъ участія въ событіяхъ, получающихъ то или другое направленіе, *именно въ зависимости отъ того, что этотъ человѣкъ выбираетъ*" [1]); мы же усматриваемъ здѣсь у гр. Толстого противорѣчіе и путаницу въ понятіяхъ.

Бородинское сраженіе въ особенности дало случай гр. Толстому „обнаружить и блистательныя стороны своего изобразительнаго таланта, и односторонность теоретическихъ воззрѣній". Отмѣчая это, генералъ Драгомировъ, скорѣе старающійся подчеркнуть все положительное у гр. Толстого, чѣмъ „*истреблять*" его, склоняется даже въ пользу его мнѣнія о томъ, что первоначально въ мысли верховныхъ руководителей нашей арміи было принять бой, прикрывая позицію Колочей на всемъ протяженіи. Согласны и мы съ тѣмъ, что съ принятіемъ этого мнѣнія „многое, неразъясненное до сихъ поръ въ нашемъ расположеніи, совершенно осмысливается"; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не можемъ не указать на то, что если бы даже верховные руководители и имѣли первоначально приписываемое имъ намѣреніе, то они, тѣмъ не менѣе, могли отказаться отъ него настолько рано, что Шевардинское дѣло все-таки нельзя будетъ назвать „первымъ днемъ Бородинскаго сраженія" [2]). Вопросъ этотъ не выясненъ авторомъ романа, а потому и остается открытымъ (условно).

Далѣе генералъ Драгомировъ отмѣчаетъ и разъясняетъ новыя заблужденія гр. Толстого, приводящаго „доводы, поражающіе своею странностью и обнаруживающіе полный дилетантизмъ его въ военномъ дѣлѣ," такъ превосходно рисующаго

[1]) Стр. 71.
[2]) Стр. 71—73.

боевыя сцены и такъ плохо объясняющаго явленія войны и боя [1]): а) разсужденіе гр. Толстого по поводу обороны Шевардинскаго редута до поздней ночи 24-го „показываетъ, какъ опасно отрицать теорію военнаго дѣла, не зная, въ чемъ она заключается“, ибо „для диллетантовъ армія въ 100 т. человѣкъ кажется не такимъ существомъ, которое разбрасывается на десятки верстъ, а такимъ, которое какъ будто сосредоточено въ одной точкѣ“ и т. д.; б) по мнѣнію гр. Толстого „Бородинское сраженіе не имѣло никакого смысла ни для русскихъ, ни для французовъ, ближайшимъ результатомъ этого сраженія было для русскихъ то, что мы приблизились къ погибели Москвы, а для французовъ,— что они приблизились къ погибели арміи“... „давая и принимая Бородинское сраженіе, Кутузовъ и Наполеонъ поступили непроизвольно и безсмысленно... „древніе оставили намъ образцы героическихъ поэмъ, въ которыхъ герои составляютъ весь интересъ исторіи, и мы все еще не можемъ привыкнуть къ тому, что для нашего человѣческаго времени исторія такого рода не имѣетъ смысла“; на это генералъ Драгомировъ возражаетъ: „исхода боя ни одинъ человѣкъ предвидѣть не можетъ... И если одна армія рѣшается дать, а другая принять бой, то прежде и болѣе всего въ силу того, что главнокомандующіе ихъ имѣютъ основаніе разсчитывать скорѣе на вѣроятность побѣды, чѣмъ пораженія; если подобнаго убѣжденія съ которой либо стороны нѣтъ, тогда уклоняются отъ боя, а не даютъ его; авторъ же относится къ этому, какъ къ ариѳметической задачѣ, и начинаетъ мѣнять шашки на основаніи не тѣхъ данныхъ, которыя главнокомандующій можетъ имѣть передъ сраженіемъ, а напротивъ, на основаніи тѣхъ, которыя обнаруживаются только послѣ сраженія; Наполеонъ, зайдя такъ далеко, расчитывалъ, что, разбивъ нашу армію, онъ принудитъ насъ къ выгодному для себя миру; мы же, не покрывъ себя позоромъ передъ всею Россіею, не могли пустить Наполеона въ Москву, ни разу не попытавъ

[1]) Стр. 73—74.

счастія въ серьезномъ бою"; такимъ образомъ „побужденія рискнуть на бой были основательны и съ той, и съ другой стороны"... „въ наше время никто и не думалъ считать героями въ древнемъ смыслѣ слова, ни Наполеона, ни тѣмъ болѣе Кутузова; но вѣдь отъ того, чтобы не считать героями и полубогами людей, дѣйствительно выходящихъ изъ ряда, и до того, чтобы силиться доказать въ ихъ рѣшеніяхъ непроизвольность и безсмысленность, еще очень далеко; исторія, достойная нашего человѣческаго времени, заключается вовсе не въ томъ, чтобы воображать, будто Наполеонъ значилъ въ своей арміи не болѣе какого нибудь рядоваго или фурштата; но въ томъ, чтобы показать въ истинномъ свѣтѣ отношеніе между силою массъ и силою личностей, руководящихъ этими массами... направленіе исторіи, при которомъ говорили только о головахъ, забывая про тѣло, было односторонне; но изъ признанія этой односторонности еще не слѣдуетъ, чтобы направленіе, діаметрально-противоположное, при которомъ заговорятъ только о тѣлѣ, забывая голову, было вѣрно; мы вполнѣ признаемъ, что для осуществленія извѣстныхъ стремленій въ народѣ необходимъ иногда продолжительный періодъ пока эти стремленія охватятъ всю массу...; но мы знаемъ также, что для осуществленія этихъ стремленій необходимо, чтобы явился *одинъ*, который далъ бы имъ осязательную форму, указалъ бы имъ цѣль; знаемъ также, что и извѣстныя стремленія, прежде чѣмъ распространиться въ массѣ, должны зародиться въ *одной* головѣ... будь на мѣстѣ Наполеона Дезе, Гошъ, Карно напр., французская жизнь между 793 и 815 годами разыгралась бы не изъ пункта въ пунктъ такъ, какъ она разыгралась подъ Наполеономъ"... ибо „съ перемѣною одной изъ составляющихъ равнодѣйствующая необходимо измѣняется и въ скорости, и въ направленіи"... „стремленіе отрицать значеніе руководящихъ личностей тѣмъ болѣе странно въ авторѣ, признающемъ, что кромѣ индивидуальной жизни личности есть еще та коллективная [1]) жизнь, въ которой

[1]) Роевая, какъ ее называетъ авторъ.

личность является, въ свою очередь, только атомомъ... на какомъ же основаніи авторъ игнорируетъ, что и въ роѣ есть матка, что бываютъ матки дѣльныя [1]) и безтолковыя [2]); что это отражается весьма сильно на благосостояніи роя; что, наконецъ съ гибелью матки рой разлетается и гибнетъ (какъ рой), если только въ немъ не явится другой матки; матка безъ роя ничего не значитъ; но и рой безъ матки тоже немного значитъ; в) хотя „громадное значеніе личностей руководящихъ" до того очевидно, что „тутъ сомнѣніе не можетъ имѣть мѣста", но гр. Толстой „силится доказать, что это не такъ, на томъ основаніи, что *человѣческое достоинство говоритъ ему, что всякій изъ насъ, ежели не больше, то никакъ не меньше человѣкъ, чѣмъ всякій Наполеонъ"*; на это генералъ Драгомировъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „ничто такъ не ведетъ къ сбивчивости понятій, какъ подобныя красивыя, но весьма неопредѣленныя фразы; нужно условиться *въ чемъ и какъ* всякій изъ насъ, ежели не больше, то никакъ не меньше человѣкъ, чѣмъ всякій Наполеонъ; гр. Толстой считаетъ, вѣроятно, кн. Андрея весьма сильнымъ, умнымъ и развитымъ человѣкомъ; а между тѣмъ самъ подчинилъ его обаянію Багратіона въ атакѣ подъ Шенграбеномъ...; способность подчинять себѣ подобныхъ можетъ быть дана даже человѣку, въ которомъ менѣе всего *человѣческаго* [3])...; въ той же способности можетъ быть отказано человѣку, сильно одаренному въ человѣческомъ смыслѣ; слѣдовательно, разговоры о человѣческомъ достоинствѣ ничего не поясняютъ и ничего не доказываютъ въ этомъ вопросѣ" [4]); г) гр. Толстой „доходитъ до того даже открытія, что Наполеонъ въ Бородинскомъ сраженіи ни въ кого не стрѣлялъ и никого не убилъ", но вѣдь „если вопросъ ставить такимъ об-

---

[1]) Наполеонъ, Суворовъ, Кутузовъ, Багратіонъ и др.

[2]) Маккъ, Вильруа, Пр. Лотарингскій и проч.

[3]) Курсивъ нашъ. Можетъ-ли объяснить самъ гр. Толстой, что такое «человѣческое». Мы не ставимъ подобнаго вопроса его оппоненту, ибо онъ былъ вызванъ и вынужденъ примѣняться къ языку гр. Толстого.

[4]) Т. е. представляютъ безполезную, праздную трату времени.

разомъ, то ни одинъ солдатъ непосредственно никого не убилъ ибо убивали... огнестрѣльные снаряды и штыки"; ставъ на точку зрѣнія гр. Толстого, придется признать за послѣдними „произвольность въ дѣйствіяхъ и преобладающее значеніе вообще надъ личнымъ элементомъ въ арміи"; д) авторъ романа договаривается, наконецъ, до того, что „ежели бы Наполеонъ запретилъ имъ (т. е. своимъ солдатамъ) теперь драться съ русскими, они бы его убили и пошли драться съ русскими, потому что это было имъ необходимо" [1]); нелѣпость послѣдняго заключенія видна изъ слѣдующихъ вопросовъ и поясненій генерала Драгомирова: „когда французская армія была въ худшемъ положеніи: передъ Бородинскимъ-ли сраженіемъ или же подъ Краснымъ и во время Березинской переправы? Кажется, ясно—*когда*. Отчего же эти солдаты не убили его тогда, когда каждому изъ нихъ стало ясно, что Наполеонъ привелъ ихъ въ Россію на погибель? Отчего въ тѣ страшныя минуты, когда онъ уже уложилъ нѣсколько сотъ тысячъ на сумасбродное предпріятіе, отчего въ остаткахъ этихъ сотенъ тысячъ, остаткахъ голодныхъ, оборванныхъ, полузамерзшихъ, для этого, такого же, какъ они, человѣка не находилось другого слова, кромѣ восторженнаго, фанатическаго vive l'Empereur? Принимаясь за подобные вопросы, нельзя ихъ рѣшать ссылками на какое-то „такъ должно было случиться", на человѣческое достоинство и на то, что подъ Бородинымъ Наполеонъ никого лично не убилъ. Лучше ихъ совсѣмъ не трогать, чѣмъ разбирать подобнымъ образомъ, *мороча и сбивая съ толку* [2]) тѣхъ читателей, которые на вѣру готовы принять что угодно, разъ они закуплены хорошо изображенными сценами".

Подчеркивая такимъ образомъ лишь „односторонность" этихъ разсужденій гр. Толстого, но выясняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ нелѣпость, генералъ Драгомировъ обращается съ авторомъ романа крайне осторожно и мягко, при чемъ полагаетъ,

---

[1]) Стр. 78—79.

[2]) Курсивъ нашъ.

что „въ числѣ обмороченныхъ миражами его воображенія онъ (самъ), вѣроятно, первый“; но гр. Толстой не оправдываетъ столь снисходительнаго къ нему отношенія и тутъ же, не ограничиваясь своими экскурсіями въ область философіи военнаго дѣла, разбираетъ съ видомъ знатока и детали этого дѣла, при чемъ „считаетъ диспозицію Вейротера подъ Аустерлицомъ образцомъ совершенства въ сочиненіяхъ подобнаго рода, очевидно не подозрѣвая даже того мѣрила, по которому диспозиція можетъ быть признана дурною или хорошею“ [1]). Гр. Толстому „какъ будто кажется, что образцовая диспозиція должна напередъ предвидѣть и расписать всѣ случайности боя... мы наталкиваемся въ этомъ случаѣ на тѣ же *механическіе взгляды* [2]) на военное дѣло, на которые уже натолкнулись въ кн. Андреѣ“.

Трудно понять, какимъ образомъ могутъ ужиться въ одной головѣ эти „механическіе взгляды“ съ полнымъ пониманіемъ „свойства живой силы“, каковымъ отличается тотъ же гр. Толстой по признанію генерала Драгомирова. Впрочемъ, гр. Толстой сплошь и рядомъ соединяетъ несоединимое и противорѣчитъ самъ себѣ. Такъ, увѣривъ довѣрчиваго читателя, что Наполеонъ вовсе „не рѣшился на Бородинское сраженіе“, и что „ему казалось только, что онъ это велѣлъ“, гр. Толстой безжалостно ставитъ втупикъ того же читателя слѣдующими заключеніями: „Наполеонъ въ Бородинскомъ сраженіи исполнялъ свое дѣло *представителя власти* такъ же хорошо и еще лучше, чѣмъ въ другихъ сраженіяхъ. Онъ не сдѣлалъ ничего вреднаго для хода сраженія; онъ склонялся на мнѣнія болѣе благоразумныя; онъ не путалъ, не противорѣчилъ самъ себѣ, не испугался и не убѣжалъ съ поля сраженія, а съ своимъ большимъ тактомъ и опытомъ войны спокойно и достойно исполнялъ свою роль *кажущагося* начальствованія“ [3]).

---

[1]) Стр. 79—80. Послѣ этого неудивительно, что гр. Толстой «находитъ нехорошею» диспозицію Наполеона передъ Бородинскимъ сраженіемъ.

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) Стр. 81.

По мнѣнію генерала Драгомирова, всякій внимательный читатель подмѣтитъ здѣсь *противорѣчіе* между тѣмъ, что Наполеонъ „является сначала *только кажущимся* представителемъ власти, вслѣдъ за тѣмъ не дѣлаетъ ничего вреднаго для хода сраженія и склоняется на мнѣнія болѣе благоразумныя, слѣдовательно выходитъ уже *дѣйствительнымъ* представителемъ власти“. Подчеркнувъ источникъ этого противорѣчія—привычку рисовать одну сторону явленій, перенесенную въ ту область творчества, которая требуетъ всесторонняго ихъ изслѣдованія, генералъ Драгомировъ сопоставляетъ разобранныя имъ мнѣнія гр. Толстого съ цитатою изъ книги Трошю и разъясняетъ, что „бой представляетъ два момента: въ первый войска находятся подъ вліяніемъ начальниковъ вполнѣ; во второй они дѣлаютъ свое дѣло настолько, насколько *сами* способны его дѣлать“; гр. же Толстой „описывалъ второй изъ моментовъ боя и увлекся имъ до такой степени, что о существованіи перваго знать не желаетъ“; онъ совершенно забываетъ этотъ первый періодъ боя, въ который „вполнѣ во власти начальника *пустить, или не пустить* войска въ атаку, *пустить ихъ на тотъ, либо другой пунктъ, пустить въ большемъ или въ меньшемъ числѣ*“.

Гр. Толстой „пришелъ, въ этомъ случаѣ, къ выводу, къ которому будетъ приведенъ всякій изслѣдователь, намѣренно или по невниманію разсматривающій не все явленіе, а только часть его; такъ, напр., остановившись на той части выстрѣла, когда пуля уже вышла изъ ствола и летитъ къ цѣли, можно сказать, что участіе стрѣляющаго въ этомъ дѣлѣ ничтожно, что онъ пулей управлять не можетъ, что, наконецъ, искусство въ стрѣльбѣ немыслимо, ибо какое же можетъ быть искусство въ дѣлѣ, въ которомъ попаданіе въ цѣль зависитъ отъ такого множества случайностей..., что въ этомъ дѣлѣ стрѣлокъ является не болѣе, какъ кажущимся распорядителемъ выстрѣла, ибо только выберетъ цѣль, зарядитъ, опредѣлитъ разстояніе, прицѣлится и спуститъ курокъ; но вѣдь пуля полетитъ затѣмъ не такъ, какъ стрѣлокъ хочетъ, а такъ, какъ

обусловятъ этотъ полетъ обстоятельства, отъ стрѣлка совершенно не зависящія“ [1]).

„Задавшись желаніемъ провести подобную односторонность, придется, конечно, все отвергающее ее или не замѣчать, или же представлять такъ себѣ, пустячкомъ, не стоющимъ серьезнаго разбора. Это въ „Войнѣ и мирѣ“ и сдѣлано, въ извѣстномъ разговорѣ Наполеона съ Раппомъ. *„Вы знаете-ли, Раппъ, что такое военное искусство?* спросилъ онъ. *Искусство— быть сильнѣе непріятеля въ извѣстный моментъ. Voilà tout“* [2]). „Людямъ, не особенно знакомымъ съ теоріей военнаго дѣла, или прибѣгающимъ къ аффектированному презрѣнію, съ цѣлью скрыть свое невѣжество въ ней, какой обильный матеріалъ для дешеваго остроумія!“

Замѣчая это, генералъ Драгомировъ тутъ же представляетъ вниманію читателя „какого-нибудь недоучившагося, но съ претензіями, малаго“, который, дойдя до этого открытія, воскликнетъ: „только-то! Нечего сказать, славно насъ морочатъ— нужно изучать и военную исторію, и стратегію, и тактику, и военную администрацію, когда дѣло до такой степени просто: нужно только быть сильнѣе непріятеля въ извѣстный моментъ и умѣть во-время подвезти провіантъ и велѣть идти тому направо, тому налѣво“. „Всякій общій принципъ, — поясняетъ авторъ разбора,—до крайности простъ и потому кажется доступнымъ самому ограниченному пониманію; но въ практическомъ дѣлѣ сущность не въ томъ, чтобы *знать,* а въ томъ, чтобы *умѣть примѣнить* [3]). Одно знаніе стоитъ въ этомъ случаѣ немногимъ выше знанія попугая, котораго также можно выучить болтать, что военное искусство есть искусство быть сильнѣе непріятеля въ извѣстный моментъ. Кто знаетъ только желудь, не имѣетъ еще никакого понятія о дубѣ... кто выдолбилъ математическую формулу, все же не будетъ имѣть осно-

[1]) Стр. 82—83.

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) Является, однако, вопросъ, можно-ли примѣнять то, чего не знаешь, а если можно, то имѣетъ-ли цѣну подобное примѣненіе?

вательнаго понятія о свойствахъ величинъ, ее составляющихъ, если не умѣетъ самъ ее вывести и не разбиралъ ее при всевозможныхъ предположеніяхъ".

Основнымъ мотивомъ разсужденій гр. Толстого является мысль, что старшіе начальники въ бою ничего не дѣлаютъ. Однако, отрицая возможность управленія войсками, гр. Толстой, къ сожалѣнію, *нигдѣ не высказываетъ, что собственно онъ разумѣетъ подъ управленіемъ* [1]): если бы онъ это высказалъ, то сразу бы и обнаружилось, что онъ объ этомъ дѣлѣ составилъ себѣ *невѣрное представленіе*" [2]).

Отмѣтивъ это, генералъ Драгомировъ пытается выразить „личное понятіе" гр. Толстого объ управленіи, основываясь на приводимыхъ тутъ же выпискахъ изъ его сочиненія: 1) „То, что оба главнокомандующіе одни предложенія принимаютъ и дѣлаютъ соотвѣтствующія распоряженія къ ихъ исполненію, а другія отвергаютъ — не есть, по его мнѣнію, управленіе"; 2) „то, что они руководятъ нравственнымъ настроеніемъ войскъ, тоже не есть управленіе"; 3) „то, что частные начальники, *получивъ назначеніе отъ тѣхъ же старшихъ начальниковъ,* достигаютъ этого назначенія по *своему* усмотрѣнію, въ зависимости отъ безпрерывно мѣняющейся боевой обстановки, не ожидая дальнѣйшихъ приказаній отъ Даву, Неевъ, Мюратовъ, показываетъ, что эти послѣдніе въ бою ничего, или почти ничего не значатъ".

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія гр. Толстого, „за Наполеономъ и его ближайшими помощниками можно бы было признать управленіе боемъ только въ томъ случаѣ, если бы каждый изъ нихъ самъ водилъ баталіоны и эскадроны въ атаку и каждую батарею перемѣщалъ бы съ одной позиціи на другую; если бы главные начальники могли этимъ заниматься, тогда не было бы нужды въ дивизіонныхъ, бригадныхъ и прочихъ командирахъ низшихъ степеней, самое существованіе

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Курсивъ нашъ. Стр. 84—85.

которыхъ показываетъ, что это вещь немыслимая; если бы, наоборотъ, дѣлали дѣло только эти послѣдніе, тогда не было бы надобности въ высшихъ начальникахъ, что опять нелѣпость, ибо кто же сводилъ бы къ одной цѣли разрозненныя усилія многихъ частей".

Становясь на точку гр. Толстого, можно также сказать, что и „капельмейстеръ въ хорѣ ничего не дѣлаетъ (и ничего не значитъ)... а всякій музыкантъ исполняетъ свою партію насколько позволяютъ ему его личныя средства и средства его инструмента". Однако, „едва-ли найдется хоръ, который согласился бы играть безъ этого дармоѣда... извѣстно также, что у вялаго капельмейстера получается и вялое исполненіе; энергическій, напротивъ, какъ бы вдыхаетъ въ музыкантовъ новыя силы; компетентные люди говорятъ даже, что даровитый и оригинальный капельмейстеръ способенъ придать пьесѣ такой своеобразный колоритъ, что она, даже для знающихъ ее твердо, является въ совершенно новомъ и неожиданномъ свѣтѣ, иногда даже неузнаваемою". Если „въ музыкѣ диспозиція (т. е. партитура), въ большей части случаевъ, создана не тѣмъ, кто управляетъ ея исполненіемъ, и не смотря на это, личныя свойства распорядителя входятъ въ исполненіе такимъ могущественнымъ факторомъ", то „во сколько же должно увеличиваться значеніе этихъ личныхъ свойствъ распорядителя въ дѣлѣ, въ которомъ онъ является и творцомъ и въ которомъ цѣль достигается подъ вліяніемъ непрерывной опасности и безчисленнаго множества случайностей" [1]),

Самъ же гр. Толстой „бьетъ на голову свои теоретическія размышленія", рисуя великолѣпно „тѣ неосязаемые токи, которыми разносится въ арміи всякая, и дурная и хорошая, вѣсть"; такова напримѣръ картина конца Бородинскаго сраженія, когда Кутузовъ распекаетъ Вольцогена, прибывшаго къ нему съ донесеніемъ отъ Барклая и докладывающаго ему, что „всѣ пункты нашей позиціи въ рукахъ непріятеля, и отбить не чѣмъ, по-

[1] Стр. 85—87,

тому что войскъ нѣтъ; они бѣгутъ, и нѣтъ возможности остановить ихъ"...—„Вы видѣли? вы видѣли?.." нахмурившись закричалъ Кутузовъ, быстро вставая и наступая на Вольцогена... „Какъ смѣете вы, милостивый государь, говорить это *мнѣ*. Вы ничего не знаете. Передайте отъ меня генералу Барклаю, что свѣдѣнія его несправедливы и что настоящій ходъ сраженія извѣстенъ мнѣ, фельдмаршалу, лучше чѣмъ ему... Непріятель отбитъ на лѣвомъ и пораженъ на правомъ флангѣ... Извольте ѣхать къ генералу Барклаю и передать ему на завтра мое намѣреніе атаковать непріятеля"... „Отбиты вездѣ, за что я благодарю Бога и наше храброе войско. Непріятель побѣжденъ и завтра погонимъ его изъ священной земли русской", сказалъ Кутузовъ, крестясь и вдругъ всхлипнулъ отъ наступившихъ слезъ... „Кайсаровъ", кликнулъ онъ своего адъютанта. „Садись пиши приказъ на завтрашній день. А ты", обратился онъ къ другому, „поѣзжай по линіи и объяви, что завтра мы атакуемъ"... „Кутузовъ, не глядя на Вольцогена, приказалъ написать этотъ приказъ (объ атакѣ на завтрашній день). И по неопредѣленной, таинственной связи, поддерживающей во всей арміи одно и тоже настроеніе называемое духомъ арміи и составляющее главный нервъ войны, слова Кутузова, его приказъ къ сраженію на слѣдующій день, *передались одновременно во всѣ концы войска* [1]... И узнавъ то, что на завтра мы атакуемъ непріятеля, изъ высшихъ сферъ арміи, услыхавъ подтвержденіе того, чему они хотѣли вѣрить, *измученные, колеблющіеся люди утѣшались и ободрялись*" [2]...

„Теперь, говоритъ генералъ Драгомировъ, представимъ себѣ на мѣстѣ Кутузова одного изъ тѣхъ полководцевъ **qui se font des tableaux**, по выраженію Наполеона... донесеніе Вольцогена привело бы его, конечно, къ убѣжденію, что все пропало, что нужно какъ можно скорѣе отступать... торопливо началось бы отступленіе и если бы оно не кончилось бѣг-

---

[1]) Стр. 88. Курсивъ генерала Драгомирова.

[2]) Курсивъ нашъ. Стр. 87—89. Дополнено изъ соч. гр. Толстого.

ствомъ, то, во всякомъ случаѣ, результатъ нравственной побѣды, которую мы одержали, былъ бы утраченъ“ [1]).

Итакъ, самъ же графъ Толстой какъ нельзя лучше доказываетъ (какъ художникъ), что именно личности Кутузова, его умѣнью оцѣнивать обстановку и дѣлать именно то, что ею требовалось, его дѣйствительному самообладанію (не взирая на кажущуюся потерю спокойствія), его умѣлому обращенію къ тому именно средству, которое могло повліять на войска въ смыслѣ подъема ихъ духа,—короче личности главнокомандующаго мы и обязаны одержанною нами подъ Бородинымъ *нравственною побѣдою*,—т. е. графъ Толстой—художникъ разбиваетъ графа Толстого—философа.

Генералъ Драгомировъ отмѣчаетъ тутъ же „странную и неумѣстную со стороны графа Толстого фразу о *кускахъ матеріи на палкахъ, называемыхъ знаменами*“, при чемъ приводитъ слѣдующія поясненія: „графу Толстому, конечно, извѣстна [2]) та особенность человѣческой натуры, въ силу которой всякая матеріальная вещь пріобрѣтаетъ значеніе для человѣка не столько сама по себѣ, сколько по тѣмъ понятіямъ, которыя онъ соединяетъ съ этой вещью. Съ этой точки самый ничтожный предметъ можетъ стать для человѣка святыней, сохраненіе которой для него сливается съ сохраненіемъ собственной чести и становится неизмѣримо выше сохраненія жизни... Всякая самая ничтожная вещь, становясь принадлежностью человѣка, обращается какъ бы въ часть его самого... „Что вѣрно относительно единичныхъ личностей, то еще болѣе вѣрно относительно тѣхъ большихъ сборныхъ личностей. Не представляя по внѣшности одного существа, они нуждаются въ такихъ символахъ, въ такихъ вещественныхъ знакахъ, въ которыхъ индивидуальныя личности и не нуждаются: въ вещественныхъ знакахъ, служащихъ осязательнымъ свидѣтельствомъ внутренняго духовнаго единенія людей, составляющихъ извѣстную

[1]) Стр. 89.

[2]) Мы за это не поручились бы ни въ какомъ случаѣ.

часть. Знямя именно и есть этотъ символъ: въ порядочной части все можетъ умереть для войсковой жизни; одно остается неизмѣннымъ и вѣчнымъ... *духъ* и *знамя*—его вещественный представитель. Часть, въ бою сохранившая знамя, сохранила свою честь неприкосновенною; часть, потерявшая знамя,—то же, что опозоренный и не отплатившій за свой позоръ человѣкъ. Взявъ это въ соображеніе, всякій согласится, что кусокъ матеріи, который соединяетъ около себя тысячи человѣкъ, сохраненіе котораго стоило жизни сотнямъ, а можетъ и тысячамъ людей, что такой кусокъ матеріи есть *святыня*, не условная военная святыня только, но святыня въ прямомъ и непосредственномъ значеніи этого слова, и *что изо всѣхъ трофеевъ это именно тотъ, который болѣе всего свидѣтельствуетъ о нравственной побѣдѣ надъ врагомъ.* Графу Толстому не мѣшало бы... не забывать и того, что на концѣ этихъ палокъ утвержденъ символъ еще болѣе высокаго единенія, символъ, который... имѣетъ далеко не одно формальное значеніе для русскаго человѣка; не мѣшало бы не забывать того, что, до Петровской реформы, на этихъ кускахъ матеріи рисовались образа, что давало знаменамъ то дѣйствительное значеніе военной и религіозной святыни, которое онѣ имѣли у народа лучше всѣхъ понимавшаго эти вещи,—у народа римскаго“ [1]).

По мнѣнію генерала Драгомирова, графъ Толстой „и въ послѣднихъ томахъ своего труда остается вѣренъ себѣ: та же правда изображеній и тонкость психическаго анализа, когда дѣло идетъ о частной жизни; и та же самоувѣренная односторонность и, такъ сказать, незаконченность понятій, когда онъ пускается въ разсужденія по поводу описываемыхъ фактовъ или выдающихся представителей массъ. Разница съ предшествующими томами его произведеній только въ томъ, что меньше

---

[1]) Стр. 92—94. Генералъ Драгомировъ, 25 лѣтъ тому назадъ, надѣялся, что графъ Толстой вычеркнетъ эту фразу изъ послѣдующихъ изданій своего труда, но теперь самъ подчеркиваетъ, что эта его надежда не оправдалась. Ст. 95.

картинъ и больше разсужденій; да еще въ томъ развѣ, что въ разсужденія, особенно VI тома, напущено ѳуману при помощи разныхъ хорошихъ словъ и замысловатыхъ фразъ, за которыми не трудно открыть тѣ же одностороннія мнѣнія, которыя извѣстны уже читателю изъ IV тома. Манера аргументаціи автора въ разсужденіяхъ та же: онъ не доказываетъ своихъ положеній, а, если можно такъ выразиться, втираетъ ихъ, повторяя совершенно одно и то же на разные лады по нѣскольку разъ и ссылаясь или на человѣческій умъ, которому будто бы противно признать то, что не нравится автору, или же на факты, которые могли бы быть, да не были и быть не могли, или, наконецъ, на какое-либо сравненіе съ пароходомъ, стадомъ и т. п., сдѣланное такъ, что обыкновенно оно не идетъ къ дѣлу" [1]).

V томъ начинается съ того, что „человѣческому уму непонятна абсолютная непрерывность движенія, и что законы этого послѣдняго становятся понятны только тогда, когда человѣкъ разсматриваетъ произвольно взятыя единицы движенія". Въ этой „необходимости разлагать... все изслѣдуемое на составныя части и лежитъ источникъ большинства человѣческихъ заблужденій", по мнѣнію графа Толстого; по мнѣнію же генерала Драгомирова, это заключеніе вполнѣ примѣнимо и къ его разсужденіямъ. Для поясненія своей мысли графъ Толстой прибѣгаетъ къ уподобленію, любимой своей формѣ для проведенія своихъ взглядовъ, удобной для разъясненія чего-либо отвлеченнаго, но еще болѣе удобной для „отвода глазъ". Онъ беретъ для примѣра извѣстную пѣшку древнихъ: „*догонитъ ли Ахиллесъ черепаху?*" Отвѣтъ же дается имъ такой: „*время и пространство безконечно дѣлимы*". Графу Толстому „необходимо было обезпокоить дифференціалы и интегралы... для большей внушительности послѣдующихъ своихъ разсужденій объ исторіи", пѣшки же онъ не пояснилъ.

Результатъ разсужденій гр. Толстого слѣдующій: „Только

[1]) Стр. 95—96.

допустивъ безконечно малую единицу для наблюденія—дифференціалъ исторіи, т. е. однородныя влеченія людей, и достигнувъ искусства интегрировать... мы можемъ надѣяться на постигновеніе законовъ исторіи".

Генералъ Драгомировъ поясняетъ: „Т. е. для того, напр., чтобы уразумѣть хоть бы 12-ый годъ, нужно предварительно изучить біографію и влеченія по крайней мѣрѣ всѣхъ принимавшихъ участіе въ ней, начиная, положимъ, хоть отъ Лаврушки... и кончая Наполеономъ, и только тогда можно претендовать на правильность выводовъ объ этой кампаніи; такъ-ли? Если авторъ въ этомъ убѣжденъ, то ему первому не слѣдовало пускаться въ разсужденія о 12-омъ годѣ"... [1]). „Съ точки зрѣнія своего идеала онъ признаетъ выводы современной исторіи неполными—что совершенно вѣрно—и потому ложными—что уже вовсе не вѣрно и составляетъ логическій скачекъ. Исторія есть именно та наука, въ которой неполныя умозаключенія... менѣе всего могутъ утвердиться, ибо имъ всегда есть поправка—въ самомъ совершившемся фактѣ, возникшемъ изъ тѣхъ, которые историку послужили матеріаломъ для выводовъ. Что нужды, если историкъ не высказалъ намъ всѣхъ причинъ событія? Само это событіе доскажетъ то, что онъ упустилъ изъ виду. За нимъ явятся другой, третій, сотый историки, и, исправляя мало-по-малу односторонности другъ друга, выработаютъ возможно вѣрный для современной имъ эпохи взглядъ на сказанный фактъ. И въ этомъ процессѣ критика не разрушаетъ въ прахъ прежде сдѣланныхъ выводовъ, какъ кажется автору; но разъясненіемъ обстоятельствъ, упущенныхъ изъ виду, только способствуетъ превращенію взглядовъ болѣе одностороннихъ въ менѣе односторонніе. Этотъ путь одинаковъ въ приложеніи ко всѣмъ опытнымъ наукамъ... Возьмемъ, напр., топографію. Ошибки, происходящія отъ неустранимыхъ неточностей въ устройствѣ инструментовъ и въ работѣ, дѣлаютъ невозможнымъ полученіе математически вѣрныхъ пла-

[1]) Стр. 97.

новъ; но слѣдуетъ-ли изъ этого, что они никуда не годны? Можно называть ихъ неточными,—пожалуй; но совершенно ложными, т. е. дающими превратное понятіе о мѣстности,— называть ихъ нельзя. Отрицаніе добытаго вѣковымъ трудомъ— при помощи противоположенія этого добытаго идеалу — дѣло праздное... Авторъ (романа), чтобы отстоять свои измышленія, становится на точку: *„или все, или ничего“*; человѣчество гораздо скромнѣе въ своихъ притязаніяхъ и находитъ, что *„лучше что-нибудь, чѣмъ ничего“* [1]).

Далѣе гр. Толстой возстаетъ противъ второго пріема исторіи, заключающагося въ томъ, чтобы „разсматривать дѣйствіе одного человѣка, царя, полководца, какъ сумму произволовъ людей“,—и возстаетъ на томъ основаніи, что будто бы *умъ человѣческій* [2]) не только отказывается вѣрить въ это объясненіе, но прямо говоритъ, что пріемъ объясненія не вѣренъ, потому что въ этомъ объясненіи слабѣйшее явленіе принимается за причину сильнѣйшаго“.

Генералъ Драгомировъ справедливо замѣчаетъ: „Этотъ аргументъ—старый нашъ знакомый; въ IV томѣ онъ былъ выраженъ такъ: „человѣческое достоинство говоритъ мнѣ (гр. Толстому), что всякій изъ насъ если не больше, то никакъ не меньше человѣкъ, чѣмъ всякій Наполеонъ“. Затѣмъ генералъ Драгомировъ доказываетъ несостоятельность приведеннаго аргумента такъ же, какъ онъ доказывалъ раньше несостоятельность его старшаго брата IV тома, и какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ нельзя съ нимъ не согласиться. Точно такъ же приходится стать на его сторону, когда онъ опровергаетъ новые доводы автора романа въ пользу *ничтожества личностей руководящихъ,* а именно: а) нашествіе французовъ, по понятіямъ гр. Толстого надвигалось *„само собой,* не вслѣдствіе распоряженій Наполеона, но „по одной силѣ стремительности“; въ Москвѣ французы остаются не потому, что Наполеонъ, благодаря предшествующимъ успѣхамъ, дѣйствовалъ по рутин-

[1]) Стр. 98—99.

[2]) Не слишкомъ ли смѣло опредѣлять съ такою самоувѣренностью то, что говоритъ «умъ человѣческій».

ному убѣжденію, что съ паденіемъ столицы миръ неизбѣженъ, но безъ всякой видимой причины", бѣгутъ изъ Москвы не потому, что Наполеонъ потерялъ надежду на миръ, а партизаны стали сильно безпокоить и произошло Тарутинское столкновеніе и опять безъ всякой новой причины; Наполеонъ сознавая всю тяжесть боковаго преслѣдованія, которымъ грозило расположеніе нашей арміи подъ Тарутинымъ, рѣшается возстановить относительно ея фронтальное положеніе своей арміи и бросается на Малоярославецъ, но возвращается на Смоленскую дорогу не потому, что встрѣтилъ неожиданный отпоръ, что едва самъ не попалъ въ руки казаковъ и что у него недостало характера настоять на своемъ рѣшеніи,—а потому, что *это должно было случиться;* то, что Наполеонъ согласился съ Мутономъ [1]) и войска пошли назадъ (вслѣдствіе его приказанія) не доказываетъ того, чте онъ это приказалъ и т. п.; б) фланговый маршъ нашей арміи съ Рязанской на Калужскую дорогу—маневръ до такой степени простой, что „каждый глупый тринадцатилѣтній мальчикъ безъ труда могъ догадаться, что въ 1812 году самое выгодное положеніе для арміи, послѣ отступленія отъ Москвы, было на Калужской дорогѣ" [2]); тѣмъ не менѣе, хотя это могъ безъ труда понять „глупый мальчикъ", гр. Толстой не допускаетъ, чтобы мысль этого марша могла возникнуть у какого либо военноначальника, и хотя онъ затѣмъ и поясняетъ, что эта мысль выработалась „шагъ за шагомъ, событіе за событіемъ" и т. п., но большинство читателей выведетъ заключеніе, что, по мнѣнію гр. Толстого, величайшій и умнѣйшій полководецъ глупѣе „глупаго 13-лѣтняго мальчика", а слѣдовательно, будучи уже полководцемъ, глупѣе самаго себя, когда онъ былъ мальчикомъ. Очевидно гр. Толстой и не подозрѣваетъ, что въ области военнаго искусства геніальное рѣшеніе есть обыкновенно самое простое рѣшеніе и что, какъ

---

[1]) У гр. Толстого сказано: «И подъ вліяніемъ страха... тотчасъ же согласился съ Мутономъ и отдалъ, *какъ говорятъ историки,* приказаніе объ отступленіи назадъ на Смоленскую дорогу». Стр. 102. (брошюры генерала Драгомирова).

[2]) Стр. 103.

показываетъ военная исторія, именно эти то простыя рѣшенія рѣже всего принимаются и исполняются; разъ полководецъ даетъ образецъ подобнаго рѣшенія задачи, то это уже признакъ если не генія, то высокой талантливости; а такъ какъ всякій взрослый человѣкъ несомнѣнно умнѣе самого себя во время дѣтства и юности, то и введеніе гр. Толстымъ въ этомъ случаѣ „глупаго 13-лѣтняго мальчика" представляется пріемомъ, далеко не выдерживающимъ критики. Впрочемъ, всѣ его разсужденія по данному вопросу даютъ въ результатѣ „*reductio ad absurdum*"; на нихъ мы теперь не останавливаемся во избѣжаніе повтореній. Но если гр. Толстой пускается въ разсужденія, причемъ строитъ зданіе на пескѣ, куда бы еще ни шло; остается сожалѣть лишь о томъ, что онъ пытается установить, въ лучшемъ случаѣ, недоказанные факты; такъ, напримѣръ, онъ „ссылается на то, что и мародеры даже отбѣгали будто бы именно по Калужской и ближайшимъ къ ней дорогамъ". Генералъ Драгомировъ справедливо замѣчаетъ, что гр. Толстой „не имѣетъ, конечно, статистическихъ данныхъ, поддерживающихъ его предположеніе; самъ же авторъ разбора имѣетъ „то простое основаніе сомнѣваться въ его обстоятельности, что мародеры такой народъ, который отбѣгаетъ по всѣмъ направленіямъ, сулящимъ поживу и обезпеченнымъ... отъ неожиданныхъ встрѣчъ" [1]).

. Тутъ же генералъ Драгомировъ, приглашая читателя „отдохнуть нѣсколько отъ разсужденій автора" (романа), обращается къ его сценамъ и признаетъ, что „такія вещи, какъ совѣтъ въ Филяхъ, сцены въ „обезматочевшемъ ульѣ", какъ авторъ великолѣпно называетъ Москву, передъ вступленіемъ въ нее французовъ,—ожиданіе Наполеономъ des Boyards Russes у Дорогомиловской заставы — доставляютъ высокое эстетическое наслажденіе и долго не забудутся". Отмѣтивъ бочку меду, поднесенную гр. Толстымъ читателю, авторъ разбора не можетъ, естественно, не выразить сожалѣнія по поводу пріобщенія

---

[1]) Стр. 105.

къ той же бочкѣ авторомъ (романа) доброй ложки стараго, уже хорошо извѣстнаго читателю, дегтю: „показавъ Кутузова въ минуту такой страшной рѣшимости, показавъ дѣйствительно героемъ, какимъ онъ въ ту минуту былъ, вложивъ въ уста его великія слова, дѣйствительно ему принадлежавшія [1])", гр. Толстой возвращается къ своимъ взглядамъ, что командующій въ арміи значитъ то же, что и послѣдній солдатъ, и къ прочему въ томъ же родѣ". Впрочемъ, самъ же онъ и даетъ все необходимое для окончательнаго опроверженія своихъ взглядовъ.

Когда Бенигсенъ открылъ совѣтъ вопросомъ: „оставить-ли безъ боя священную и древнюю столицу Россіи, или защищать ее", Кутузовъ тотчасъ же внесъ слѣдующую поправку: „...такой вопросъ нельзя ставить и такой вопросъ не имѣетъ смысла. Вопросъ, для котораго я просилъ собраться этихъ господъ, это вопросъ военный... спасенье Россіи въ арміи. Выгоднѣе-ли рисковать потерею арміи и Москвы, принявъ сраженіе, или отдать Москву безъ сраженія". Подобная постановка вопроса давала уже ясное понятіе о мнѣніи Кутузова, который и собралъ этотъ совѣтъ съ тою же цѣлью, съ какою собирали совѣты всѣ великіе мастера искусства; когда же онъ замѣтилъ, что собранные на совѣтъ его сподвижники большею частью уже достаточно подготовлены къ разумному воспріятію его рѣшенія и къ надлежащему его выполненію, то онъ и положилъ конецъ совѣту, произнеся слѣдующія знаменательныя слова: „Et bien Messieurs, je vois que c'est moi qui payerai les pots cassés... Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ несогласны со мною. Но (и онъ остановился) властью, врученною мнѣ моимъ Государемъ и отечествомъ, я приказываю отступленіе"... Что можетъ быть лучше этой картины? „Чувствуешь,—говоритъ генералъ Драгомировъ,—что это дѣйствительно человѣкъ, который привыкъ быть нервнымъ узломъ, т. е. руководить массами, и который способенъ быть имъ,—

[1]) На совѣтѣ въ Филяхъ.

властный человѣкъ: ни одного жеста лишняго, ни одного слова пустого; прямо попадаетъ... въ шляпку гвоздя. Или, можетъ быть, и въ этомъ случаѣ не Кутузовъ мощною рукою повернулъ руль, не Кутузовъ сказалъ слова, а ему только казалось, что онъ это сказалъ и сдѣлалъ??... Въ „Войнѣ и Мирѣ“ два человѣка—*артистъ* и *мыслитель;* и *первый при каждомъ удобномъ случаѣ бьетъ на голову второго* [1]).

Послѣдняя часть труда гр. Толстого посвящена „разсужденіямъ, касающимся, болѣе или менѣе удачно, науки только что возникающей—физіологіи коллективныхъ организмовъ“ [2]). Не желая „разбирать цѣликомъ эту неудобоваримую часть, въ которой мысли дѣйствительно вѣрныя перепутаны съ самыми странными парадоксами и высокопарными фразами довольно тощаго содержанія“, генералъ Драгомировъ касается „преимущественно только тѣхъ мѣстъ ея, которыя имѣютъ хотя нѣкоторое отношеніе къ войнѣ и войску“.

Въ началѣ VI тома гр. Толстой дѣлаетъ опять небольшой (и не совсѣмъ удачный) поискъ въ область собственно теоріи военнаго искусства, конечно, съ цѣлью указать нѣкоторыя несообразности положеній этой теоріи (причемъ показываетъ въ себѣ только диллетанта въ этомъ дѣлѣ). „Однѣ изъ указанныхъ имъ несообразностей давно уже и безъ того отвергнуты военной теоріей; другія же и несообразности не составляютъ, а показались такими автору просто по недостатку въ немъ основательнаго знакомства съ дѣломъ“ [3]). Какія же, однако, эти усматриваемыя гр. Толстымъ несообразности?

„*Однимъ изъ самыхъ осязательныхъ и выгодныхъ отступленій отъ такъ называемыхъ правилъ войны есть дѣйствіе разрозненныхъ людей противъ людей, жмущихся въ кучу*“ [4]).

По поводу этой вылазки противъ извѣстнаго *принципа*

---

[1]) Стр. 105—107.

[2]) «Теперь ее называютъ Соціологіей» (примѣчаніе автора разбора).

[3]) Стр. 107—108.

[4]) Тамъ же, курсивъ нашъ.

средоточенія силъ, генералъ Драгомировъ замѣчаетъ: „Во
ервыхъ, разрозненные люди нападаютъ не на жмущихся въ
учу, а на отдѣляющихся почему-либо отъ кучи; во-вторыхъ,
ъ теоріи войны, какъ и во всякой теоріи, нѣтъ положитель-
ыхъ правилъ, а есть только формулы, допускающія и поло-
ительныя, и отрицательныя значенія“... „Если вы спросите че-
овѣка, сколько-нибудь понимающаго дѣло, выгодно-ли сосредо-
оченіе? Онъ вамъ отвѣтитъ: „смотря по тому, гдѣ, когда и для
его. И вѣроятно, пояснитъ... имѣете въ виду продовольствовать
рмію, гораздо лучше разбросанное, чѣмъ сосредоточенное распо-
оженіе. Ожидаете боя—лучше стѣснить расположеніе, хотя бы
это затруднило продовольствіе; имѣете въ виду напасть на
ылъ или на флангъ—лучше отказаться отъ извѣстной части
илъ для этой цѣли, если можно разсчитывать на успѣхъ...
Устроили себѣ нападеніе неожиданное, или случай устроилъ
его—бейте съ тѣмъ, что подъ рукою; имѣете цѣлью сломить
непріятеля въ рѣшительномъ фронтальномъ бою, къ которому
онъ приготовился, *не пренебрегайте ни однимъ баталіономъ,*
который можете притянуть, т. е. чѣмъ больше силъ сосредо-
точите, тѣмъ лучше. Наконецъ, въ самомъ бою, для огня
лучше разсыпаться, для натиска въ штыки лучше собраться.
Слѣдовательно, дѣло ни въ томъ, чтобы держаться сосредото-
ченно, ни въ томъ, чтобы разбрасываться, *но въ томъ, чтобы
знать, когда нужно сдѣлать одно, когда другое*“ [1])...

Другой нашъ военный писатель, генералъ *Лееръ,* признаю-
щій только *принципы* и безусловно отвергающій *системы* и
правила—шаблоны, говоритъ по этому же вопросу слѣдую-
щее: „Чистая (раціональная) стратегія признаетъ собственно
только *принципъ сосредоточенія силъ...* Прикладная же стра-
тегія постоянно требуетъ раздѣленія силъ: для обезпеченія
тыла и фланговъ... Дѣло сводится не къ тому, чтобы не раз-
дѣлять вовсе своихъ силъ, а къ тому, чтобы раздѣлять ихъ
возможно менѣе, строго въ предѣлахъ требованій обстановки

---

[1]) Стр. 108—109.

даннаго случая. *Принципу сосредоточенія силъ* дѣйствительно принадлежитъ весьма важное значеніе,—всѣ лучшіе авторитеты въ военномъ дѣлѣ относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ; но нельзя сказать, чтобы ему разъ навсегда принадлежало бы *первенствующее* значеніе въ ряду прочихъ принциповъ, начиная съ того, что въ области *чистой стратегіи всѣ они одинаково важны,* а въ *прикладной* значеніе ихъ мѣняется сообразно *обстановкѣ* даннаго случая. *При одной обстановкѣ* господствующее значеніе будетъ принадлежать одному принципу (сосредоточенію силъ), при другой — другому (времени, внезапности)" [1]).

Такимъ образомъ оба писателя, стоящіе во главѣ современной русской военной науки [2]), говорятъ о *принципѣ сосредоточенія силъ* одно и то же, и то, что они говорятъ, совпадаетъ съ мнѣніями какъ лучшихъ мыслителей въ области военнаго дѣла, такъ и великихъ мастеровъ военнаго искусства съ Наполеономъ I во главѣ. Слѣдовательно, современная военная наука, находящаяся въ надлежащей связи съ жизнью, не даетъ ничего подобнаго тому, что приписываетъ ей гр. Толстой; если же послѣдній имѣетъ въ виду тѣ или другія теоріи или *системы,* господствовавшія въ XVII, XVIII и въ началѣ XIX столѣтія, то тѣмъ хуже для него, ибо это было бы почти то же самое, что вмѣнять современной физикѣ въ вину то, что нѣкогда явленіе грома объяснялось тѣмъ, что „Илья пророкъ по небу ѣздитъ".

„*Войну такого рода* (дѣйствіе разрозненныхъ людей противъ людей, жмущихся въ кучу) *назвали партизанскою и полагали, что, назвавъ ее такъ, объяснили ея значеніе. Между тѣмъ такого рода война не только не подходитъ ни подъ какія правила, но прямо противоположна извѣстному и признанному за непогрѣшимое тактическому правилу. Правило*

---

[1]) См. *Лееръ.* «Стратегія». Изданіе 5-е, ч. I. стр. 298.

[2]) Изъ коихъ, впрочемъ, одинъ отрицаетъ военную науку и признаетъ лишь «теорію военнаго искусства».

это говоритъ, что атакующій долженъ сосредоточивать свои войска, съ тѣмъ, чтобы въ моментъ боя быть сильнѣе своего противника".

„*Партизанская война* (всегда успѣшная, какъ говоритъ исторія [1]) *прямо противоположна этому правилу*". „*Противорѣчіе это происходитъ отъ того, что военная наука принимаетъ силу войскъ тождественною съ ихъ численностью*" [2]).

По поводу этихъ мыслей гр. Толстого генералъ Драгомировъ говоритъ слѣдующее: „Уже изъ сказаннаго выше видно, во-первыхъ, что партизанская война не противорѣчитъ основаніямъ военнаго искусства, которое равно допускаетъ и раздѣленіе и сосредоточеніе силъ, въ зависимости отъ поставленной цѣли и отъ обстоятельствъ, при которыхъ ее приходится достигать. Во-вторыхъ... главныя силы нашей арміи не расходились по партизанскимъ отрядамъ, а держались вмѣстѣ; слѣдовательно, и разброска силъ была примѣнена только отчасти; да иначе и быть не могло, ибо въ противномъ случаѣ французы тоже бы не преминули раздробиться... и отступили бы съ потерями несравненно меньшими, чѣмъ они понесли... Ихъ держали въ одной массѣ вѣдь не партизанскіе отряды, а именно то, что и наши главныя силы держались вмѣстѣ; и только благодаря этому, булавочные уколы партизанскихъ отрядовъ обратились въ смертельныя раны. Въ-третьихъ, начало—быть сильнѣе противника на пунктѣ нападенія—не только не отвергается партизанскими дѣйствіями, но, напротивъ, находитъ въ нихъ блистательное подтвержденіе: партизанъ никогда не вздумаетъ нападать на значительныя и готовыя къ бою массы; старается никогда не нападать иначе-какъ врасплохъ; *слѣдовательно, прежде и болѣе всего хлопочетъ именно о томъ, чтобы на пунктѣ нападенія быть сильнѣе своего противника*... Правда...

---

[1]) Всегда-ли? Какъ же рѣшить вопросъ объ успѣхѣ въ случаѣ, если обѣ стороны прибѣгали одновременно къ партизанскимъ дѣйствіямъ.

[2]) Стр. 109—110. Курсивъ нашъ.

партизанъ не самъ усиливается, а ловитъ минуты слабости непріятеля; но вѣдь результатъ одинъ, *нарушеніе равновѣсія силъ въ пользу партизана.* Тамъ же гдѣ онъ можетъ получить положительное подкрѣпленіе, партизанъ имъ не пренебрегаетъ“ [1]). При этомъ генералъ Драгомировъ предлагаетъ гр. Толстому слѣдующій вопросъ: „Денисовъ, выжидая присоединенія Долохова для нападенія на французскій отрядъ, дѣйствовалъ-ли согласно началу сосредоточенія силъ на пунктѣ нападенія, или же вопреки ему?“ Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ, и не въ пользу положеній гр. Толстого. И въ этомъ случаѣ нельзя не согласиться съ заключеніемъ генерала Драгомирова, что, „вдумавшись серьезнѣе въ факты, имъ самимъ описываемые, авторъ (романа), можетъ быть, нѣсколько осторожнѣе сталъ бы указывать на воображаемыя односторонности въ теоріи военнаго искусства; сталъ бы понимать шире ея положенія и не провозглашалъ бы чуть не за открытіе того, что въ ней уже принято до его указаній“.

Далѣе генералъ Драгомировъ обстоятельно разсматриваетъ и окончательно опровергаетъ мнѣніе гр. Толстого, что *„военная наука принимаетъ силу войскъ тождественною съ ихъ численностію“*.

Всякому академическому слушателю уже извѣстно, что *„элементъ силы“* долженъ быть понимаемъ въ широкомъ смыслѣ и что *превосходными* признаются силы войскъ, превосходящихъ противника не только своею численностью, но и качественною своею стороною, коей принадлежитъ выдающееся значеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ ему понятенъ и взглядъ Наполеона, по которому успѣхъ зависитъ отъ элемента моральнаго (духовнаго) въ гораздо большей степени, чѣмъ отъ условій матеріальныхъ. Но гр. Толстой ничего этого не знаетъ и не понимаетъ; онъ не далъ себѣ труда ознакомиться ни съ положеніями военной науки, въ лицѣ первостепенныхъ и дѣйствительныхъ ея представителей, ни со взглядами великихъ мастеровъ

[1]) Стр. 110—111. Курсивъ въ подлинникѣ.

искусства; онъ попросту создалъ себѣ въ своемъ воображенiи какую-то вовсе несуществующую военную науку и, опровергая ее съ усердiемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, разыгралъ цѣлый рядъ сраженiй противъ вѣтряныхъ мельницъ.

Этимъ онъ не ограничивается и идетъ дальше: „указываетъ вѣрнѣйшiй методъ отыскиванiя законовъ, по которымъ происходятъ боевыя столкновенiя". Для этого, по его мнѣнiю, „достаточно умѣть составлять самыя нехитрыя пропорцiи!" Принявъ для примѣра, что 10 военныхъ единицъ, сражаясь съ 15-ю, убили и забрали въ плѣнъ всѣхъ безъ остатка, а сами потеряли четыре, онъ выводитъ, что $4x=15y$ или $4:15=y:x$ и „неустрашимо заключаетъ, что подобное невинное ариѳметическое упражненiе опредѣляетъ отношенiе между двумя неизвѣстными и можетъ дать ряды чиселъ, по которымъ должны существовать и могутъ быть открыты законы. Да развѣ оставшiяся шесть единицъ (спрашиваетъ генералъ Драгомировъ) не принимали никакого участiя въ этомъ воображаемомъ дѣлѣ? И это говоритъ человѣкъ, который только и твердитъ, что про духъ... Даже при помощи высшаго анализа не удалось пока схватить въ формулы многихъ явленiй, производимыхъ неорганическими силами, а онъ думаетъ вывести законы духа при помощи пропорцiй. Странное противорѣчiе: то онъ отвергаетъ значенiе всей матерiальной стороны во имя духа, то вдругъ самъ относится къ духу чисто матерiалистически, воображая возможнымъ мѣрить его чуть не на лоты и на золотники..." [1]).

Поднеся читателю еще нѣсколько „фантазiй, очевидныхъ и безъ разбора", гр. Толстой возвращается къ историкамъ и утверждаетъ, что будто бы они „представляютъ даже и послѣднiй побѣгъ Наполеона, какъ что-то великое и генiальное"; на что генералъ Драгомировъ возражаетъ, что ни одинъ изъ историковъ такого мнѣнiя серьезно не проводилъ.

Военно-историческая часть романа заканчивается разборомъ плана второй половины кампанiи и вопроса о томъ, возможно

[1]) Стр. 115—116.

ли было преградить французамъ отступленіе, причемъ гр. Толстой не соглашается съ общепринятымъ мнѣніемъ. Съ его точки зрѣнія „стремиться отрѣзать французской арміи путь отступленія было столь же нелѣпо, какъ нелѣпо огороднику, выгоняющему скотину, затесавшуюся къ нему въ огородъ, забѣжавъ спереди, бить по лбу“; на это генералъ Драгомировъ замѣчаетъ, что „это было бы дѣйствительно нелѣпо“, но что убить скотину „хотя бы и спереди, чтобы впередъ не пакостила—не было бы нелѣпо“.

По мнѣнію гр. Толстого, русскіе (масса), понимая воображаемую имъ нелѣпость, дѣлали не то, что имъ было приказано, а то, что имъ было нужно! Генералъ же Драгомировъ напоминаетъ, что „историки совершенно опредѣлительно и по документамъ доказываютъ, что планъ сосредоточенія арміи Чичагова, Витгенштейна и Кутузова... былъ замѣчательно близокъ къ осуществленію“, что эти же историки „указываютъ ясно на ошибки Чичагова, на нежеланіе Витгенштейна прійти во-время къ пункту сосредоточенія“ и что у Кутузова, Чичагова и Витгенштейна было по 30,000 человѣкъ, тогда какъ у Наполеона было всего около 40,000, причемъ и въ состояніи духа перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ. Эти объясненія, безъ сомнѣнія, совершенно справедливы, просты и понятны, но гр. Толстой не можетъ ихъ принять, такъ какъ они основаны „на письмахъ царей и дипломатовъ“ и, „слишкомъ очевидно ставятъ дѣло въ зависимость отъ начальниковъ“, что, въ свою очередь, прямо противорѣчитъ выше разсмотрѣннымъ его положеніемъ. Вотъ почему онъ и „изобрѣтаетъ огородника, скотину и проч., лишь бы только свернуть на самодѣятельность массы не только помимо, но наперекоръ ея руководителямъ [1]).

Вторая часть VI тома, посвященная умозрительнымъ опытамъ, начинается съ того, что *описать жизнь не только человѣчества, но и одного народа представляется невозмож-*

[1]) Стр. 116—118.

нымъ, т. е., другими словами, что *вся исторія есть не болѣе какъ безсмыслица* [1]).

„Если такого убѣжденіе автора,—говоритъ генералъ Драгомировъ,—то, кажется, его бы слѣдовало доказать, да и покончить разсужденія объ исторіи; ничуть не бывало: не подумавъ даже доказать своего приговора, авторъ пускается въ разборъ древняго и новаго воззрѣнія на исторію и опредѣляетъ характеристическую разницу между ними тѣмъ, будто древніе историки все относили къ божеству, а новые отвергли это начало", тогда какъ, въ дѣйствительности, „первые, озаглавивъ Высшее Начало Юпитерами, Венерами, Меркуріями и пр., воображали, будто его понимаютъ [2]); между тѣмъ какъ вторые, признавая съ полною искренностію, что для человѣка это начало непостижимо, не пробуютъ и тратить силъ на разсужденія о томъ, чего постигнуть нельзя". Гр. Толстой „принимаетъ за отрицаніе это нежеланіе заниматься тѣмъ, что не по силамъ человѣку, начинаетъ разить новыхъ историковъ за то, что ихъ объясненія событій несостоятельны... и приводитъ къ причинѣ всѣхъ причинъ, т. е. къ тому концу, который для всѣхъ столько же подразумѣваемъ, какъ и непостижимъ, и который ни на волосъ не подвигаетъ въ разъясненіи историческихъ вопросовъ"... „Обнаруженная несостоятельность воззрѣній автора (романа) на ближайшія причины событій побудила его *укрыться въ фортецію конечныхъ причинъ* [3]), изъ которой, какъ съ точки зрѣнія вѣчности,—все оказывается ничтожнымъ: основательное, какъ и самое поверхностное изслѣдованіе факта; наборъ словъ"; какъ и геніальное произведеніе. Въ IV томѣ было „ничто не причина"; въ V и VI причина нашлась, но недоступная человѣческому пониманію, передъ которой всѣ прочія, разумѣется, одинаково нелѣпы, одинаково и состоятельны и передъ которой не только Наполеонъ является ни-

[1]) Тамъ же, курсивъ нашъ.

[2]) «Хотя у нихъ выше всѣхъ боговъ была судьба, которой они понимать не претендовали» (позднѣйшее поясненіе генерала Драгомирова).

[3]) Курсивъ нашъ.

чѣмъ не выше послѣдняго солдата, но и народъ, да и весь земной шаръ ничего не значатъ". Но „если эта причина недоступна человѣческому пониманію, такъ зачѣмъ же и автору на нее указывать? Вѣдь онъ о ней знаетъ столько же, сколько и истребляемые имъ историки, т. е. ровно ничего не знаетъ. *Или, можетъ быть, онъ претендуетъ на откровеніе!...*" [1]).

Послѣдній вопросъ, предложенный четверть вѣка тому назадъ, говоритъ самъ за себя: многимъ онъ приходилъ и приходитъ въ голову, но немногіе знали и знаютъ, кѣмъ и когда онъ былъ впервые такъ просто поставленъ и такъ ясно формулированъ.

Затѣмъ, желая, чтобы примѣръ неудачнаго мудрствованія автора романа не пропалъ даромъ, генералъ Драгомировъ совѣтуетъ всѣмъ предназначеннымъ жить на землѣ, не выше и не ниже (жить между людьми) „заняться лучше тѣмъ, что около насъ и между нами дѣлается, не заносясь въ недоступная намъ горняя", ибо „не только первичныхъ, но даже и производныхъ силъ, въ ихъ существѣ, человѣкъ знать не можетъ, а судитъ о нихъ по ихъ проявленіямъ", коими, слѣдовательно, и должно заниматься.

Возвратимся, однако, къ гр. Толстому. Поставивъ вопросъ: *какая сила движетъ народами?* Онъ слишкомъ смѣло даетъ на него отвѣтъ за историковъ и этотъ отвѣтъ старается всячески „выставить неудовлетворительнымъ". Подобный судъ надъ злополучными историками едва-ли лучше извѣстнаго Шемякина суда. *Audiatur et altera pars!*

Понимая дѣло такимъ образомъ, генералъ Драгомировъ выступаетъ въ защиту историковъ, причемъ говоритъ за нихъ слѣдующее: „Мы никогда не скажемъ нелѣпости, которую намъ приписываетъ гр. Толстой, будто событія производятся исключительно волей Наполеоновъ, Александровъ и пр.; но утверждали и утверждаемъ, что человѣкъ, созданный обстоя-

[1]) Стр. 119—120.

тельствами, въ цѣни ихъ становится, въ свою очередь, „обстоятельствомъ“, болѣе или менѣе вѣскимъ,—въ зависимости отъ занимаемаго положенія и отъ личныхъ свойствъ... Всякій подобный человѣкъ испытываетъ вліяніе окружающей его массы; но это вліяніе отражается на одномъ такъ, на другомъ иначе, уже въ зависимости отъ его личныхъ свойствъ, какъ врожденныхъ, такъ и сложившихся въ зависимости отъ обстоятельствъ, при которыхъ онъ развивался. Противорѣчія между нами въ объясненіяхъ того, на чемъ основана власть даннаго лица, только кажущіяся, ибо они не исключаютъ, а дополняютъ другъ друга“...

Такъ, Тьеръ „по своему складу и по претензіи на военные таланты... палъ ницъ передъ военнымъ геніемъ Наполеона, и, какъ истый французъ, умолчалъ о темныхъ сторонахъ (сво)его идола“, тогда какъ Ланфрей „по эпохѣ, въ которой жилъ и которая выявила всѣ тяжелыя стороны бонапартизма, а также по реакціи противъ безусловныхъ хвалителей... сталъ на точку безусловнаго хулителя“, но вмѣстѣ съ тѣмъ соглашается съ тѣмъ, что „въ такомъ сложномъ характерѣ было и доброе и худое, и что нельзя быть вынесеннымъ народною волною на Наполеоновскую высоту, не зная, къ кому и какой стороной поворачиваться, не умѣя этого дѣлать въ совершенствѣ“.

Такъ нѣтъ противорѣчія и въ томъ, что говоритъ нашъ великій поэтъ о Мазепѣ: „съ какой довѣрчивостью лживой, какъ добродушно на пирахъ, со старцами старикъ болтливой—жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ. Свободу славитъ съ своевольнымъ, поноситъ власти съ недоволнымъ, съ ожесточеніемъ слезы льетъ, съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!“ и т. д. Не противорѣчіе это потому что „и то, и другое, и третье отвѣчало цѣли, которую Мазепа себѣ поставилъ“; если бы „люди, къ которымъ онъ обращался съ подобными фразами, вздумали каждый отдѣльно написать его характеристику“, то „эти противорѣчія отнюдь не уничтожались бы взаимно“.

Равномѣрно нѣтъ противорѣчія и въ томъ, что идеи революціи произвели Наполеона и были подавлены имъ,—точно

такъ же, какъ нѣтъ противорѣчія между тѣмъ, что свойства страны обнаруживаютъ вліяніе на человѣка, въ ней родившагося; а онъ, въ свою очередь, мало-по-малу измѣняетъ эти свойства. Это воздѣйствіе въ человѣческихъ массахъ происходитъ только быстрѣе, такъ какъ и силы, ими представляѣмыя впечатлительнѣе и подвижнѣе“ [1]).

Гр. Толстой „только при условіи большой уступчивости соглашается съ тѣмъ, что между умственною дѣятельностью и движеніемъ народовъ есть что-то общее, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить, чтобы она руководила дѣятельностью людей“, ибо „такія явленія, какъ жесточайшія убійства французской революціи, вытекающія изъ проповѣдей о равенствѣ человѣка, и злѣйшія войны и казни, вытекающія изъ проповѣди о любви, не подтверждаютъ этого предположенія“.

По мнѣнію генерала Драгомирова, означенныя явленія не подтверждаютъ указаннаго предположенія потому, что гр. Толстой „намѣренно или безсознательно... употребляетъ способъ аргументаціи, совершенно непримѣнимый къ сложнымъ явленіямъ, способъ... первобытный и имѣ(ющій) смыслъ только въ начальной геометріи“. Способъ этотъ сводится къ слѣдующему: „Положимъ, что идеи руководятъ движеніями народовъ; но такъ какъ умъ у всѣхъ людей дѣйствуетъ по однимъ и тѣмъ же законамъ, то всякая идея должна бы быть понята и признана всѣми единодушно, т. е. воплотиться въ жизнь безъ борьбы. Между тѣмъ мы видимъ совершенно обратное; слѣдовательно, предположеніе, будто идеи руководятъ движеніями народовъ—нелѣпо. Или... Тьеръ говоритъ, что Наполеонъ былъ благороднѣйшій человѣкъ; Lanfrey говоритъ, что онъ былъ мошенникъ; слѣдовательно они другъ друга уничтожаютъ“. Однимъ словомъ: „положимъ, что прямые углы не равны, это предположеніе приводитъ къ нелѣпости, слѣдовательно они равны“.

Нельзя не согласиться съ генераломъ Драгомировымъ въ

---

[1]) Стр. 120—124.

томъ, что „въ изслѣдованіи сложныхъ вопросовъ подобное приведеніе какого-либо положенія къ нелѣпости вовсе не доказываетъ, что обратное положеніе вѣрно; а доказываетъ только, что изслѣдованіе сдѣлано одностороннее, т. е. что авторъ, разложивъ сложное явленіе, остановился на одной его части и упустилъ... изъ виду всѣ остальныя". Можно согласиться и съ тѣмъ, что „если борьба, нелогичная съ точки зрѣнія разсудка, имѣетъ мѣсто въ явленіяхъ народной жизни, то это доказываетъ не ничтожество идей въ нихъ, а только то, что есть еще и другія силы, производящія эти явленія совмѣстно и современно съ идеями" [1]). Однако, къ послѣднему приходится прибавить поясненіе, что, вмѣсто опроверженія предполагаемаго „ничтожества идей въ явленіяхъ народной жизни", казалось бы болѣе цѣлесообразнымъ касаться, въ данномъ случаѣ, въ точности того, о чемъ говорилось выше, т. е. отношенія между „умственною дѣятельностью" съ одной стороны и „движеніемъ народовъ" съ другой; съ этой же точки зрѣнія вопросъ о доброкачественности умственной дѣятельности, приведшей къ „жесточайшимъ убійствамъ французской революціи", приходится разрѣшить въ отрицательномъ смыслѣ, не взирая на то, что эти убійства вытекали „изъ проповѣдей о равенствѣ человѣка", ибо осуществленіе идеи этого равенства на семъ свѣтѣ невозможно [2]), а самъ же авторъ разбора совѣтуетъ не заноситься „въ недоступная намъ горняя" [3]).

Такъ или иначе, авторъ разбора совершенно правъ, находя, что въ разбираемомъ случаѣ авторъ романа долженъ былъ примѣнить „способъ изслѣдованія, употребляемый въ физикѣ для вывода закона равнодѣйствующей". Примѣнивъ за-

---

[1]) Стр. 125.

[2]) Даже на кладбищѣ, гдѣ, по мнѣнію Лейбница, возможенъ вѣчный миръ, не замѣчается полнаго равенства.

[3]) «Заносясь въ горняя», прибѣгать къ средствамъ низменнымъ (какъ это замѣчалось во время первой французской революціи)—это значитъ слѣдовать примѣру гоголевской унтеръ-офицерши.

тѣмъ предлагаемый имъ способъ изслѣдованія къ разбираемому вопросу, генералъ Драгомировъ выясняетъ слѣдующее: всякому изъ поступковъ человѣка непремѣнно предшествуетъ мысль, которая и воплощается въ поступкѣ; народъ дѣйствуетъ такъ же, какъ человѣкъ; всякому событію въ его жизни непремѣнно предшествуетъ умственная работа, въ лицѣ представителей народа, которые приводятъ къ осязательной формѣ мысли, бродящія въ данную эпоху въ народѣ и составляющія то неуловимое, но осязаемое нѣчто, которое принято называть *духомъ времени*; однако, въ жизни конкретной воплощеніе не только идеи совершенно новой, но даже прямыхъ послѣдствій давно уже водворившейся въ сознаніи даннаго людского общества — сопровождается самыми болѣзненными явленіями: принятію идей чисто логическимъ путемъ препятствуетъ сила личнаго интереса и страстей, которая, при малѣйшей перемѣнѣ существующаго порядка, тотчасъ дѣлитъ общество на два враждебные лагеря, изъ коихъ одинъ стремится провести новое, а другой отстаиваетъ старое; умственная сила, приведшая къ такому положенію, немощна одна разрѣшить его; исходъ одинъ—борьба: тѣмъ не менѣе, и страсти не являются основною силою, движущею человѣкомъ и людскими массами, ибо борьба возникаетъ всегда во имя чего-нибудь, а это „что-нибудь", составляющее цѣль борьбы, дается дѣятельностью ума, а не страстей; слѣдовательно, обѣ силы дѣйствуютъ совмѣстно и одновременно; наконецъ, многіе случаи борьбы не могутъ быть объяснены и совокупнымъ дѣйствіемъ обѣихъ этихъ силъ: открывается третій разрядъ ихъ, уже совершенно независимыхъ отъ человѣка; это силы природы, выражаемыя вліяніемъ на массы климата, географическаго положенія и внутренней работой этнографическихъ и экономическихъ причинъ, которыя даютъ то или другое направленіе инстинктамъ, темпераменту, нравамъ, предрасположеніямъ и наклонностямъ расъ и народовъ.

Въ этой сложной игрѣ силъ при возникновеніи какого-либо факта и кроется разгадка того, что ни одна идея не до-

стигаетъ полнаго своего осуществленія. Поэтому требовать объясненія связи идей съ массами, какъ дѣлаетъ гр. Толстой, то же самое, что требовать объясненія связи между мыслью, которая пришла въ голову человѣку, и этимъ человѣкомъ; между поступкомъ, на который онъ рѣшается для осуществленія мысли, и этой послѣдней и т. п. [1]).

Далѣе генералъ Драгомировъ находитъ невозможнымъ „слѣдить за мыслью автора въ его послѣдующихъ разсужденіяхъ, уловить, чего онъ хочетъ и хочетъ-ли чего-либо“... „Вѣчное повтореніе одного и того же, только въ измѣненной формѣ; поползновеніе сомнѣваться въ очевидныхъ фактахъ, ничѣмъ не оправдываемое; красивыя, но безсодержательныя фразы; произвольно поставленные вопросы и притянутые къ нимъ за волосы отвѣты; наконецъ, неподобныя уподобленія; все это... тянется безо всякой внутренней логической связи. Видно только, что авторъ тщится истреблять историковъ, но все какъ-то ходитъ кругомъ и около, а ничего яснаго не говоритъ“... На „затурканнаго“ читателя такъ и сыплются „истины вродѣ того, что источникъ власти не въ лицѣ, а въ отношеніяхъ его къ массамъ, что жизнь народовъ не вмѣщается въ жизнь нѣсколькихъ людей,—на томъ оригинальномъ основаніи, что связь между этими нѣсколькими людьми и народами будто бы не найдена; что никогда и ни одно приказаніе не возникаетъ самопроизвольно и не включаетъ въ себя цѣлаго ряда событій, но каждое приказаніе вытекаетъ изъ другого и никогда не относится къ цѣлому ряду событій, а всегда только къ одному моменту событія“... Читатель ни по чему не можетъ оріентироваться „въ этомъ умозрительномъ дымѣ и чадѣ“... [2]).

Къ послѣдней изъ приведенныхъ „общихъ истинъ“ пристегнуто вдругъ такое положеніе: Наполеонъ не могъ приказать походъ въ Россію и не приказывалъ его, на томъ осно-

[1]) Стр. 125—128.
[2]) Стр. 128—129.

ваніи, что мысль похода въ Россію вызвала цѣлые милліоны приказаній, и что многія изъ нихъ не осуществились. На это генералъ Драгомировъ возражаетъ: „чего проще заказать самый простой обѣдъ: а и этого событія нельзя произвести однимъ словомъ, а нужно назначить блюда, какую купить провизію и на сколько человѣкъ; дать, или приказать дать деньги. Слѣдуетъ-ли же изъ этого, что вы не заказывали обѣда, если бы, напримѣръ, случилось, что его не изготовили потому, что поваръ напился пьянъ, или по другой причинѣ“?

Графъ Толстой, „открывъ это очевидное свойство мыслей и дѣйствій, по которому нѣтъ ни одного изъ нихъ простого.... остановился на этомъ открытіи и не желаетъ признавать существованія общихъ мыслей и общихъ дѣйствій, ибо это даетъ ему поводъ сказать, что историческіе дѣятели, не руководствуясь никакими цѣлями, бросаютъ зря и наобумъ, точно въ кошмарѣ, множество разнородныхъ приказаній, самыхъ разнообразнымъ и неопредѣленнымъ образомъ направленныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ исполняются, большинство остается безъ исполненія [1]). Такъ какъ изъ исполненныхъ приказаній что-нибудь да выходитъ, то это что-нибудь историки и называютъ цѣлью, которую дѣятели себѣ предполагали“. „Но,—продолжаетъ генералъ Драгомировъ,—вѣдь историки не подложили же ни англійскому десанту, ни березинскому отрѣзанію никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ неосуществившихся; въ послѣднемъ случаѣ скорѣе авторъ (романа) позаботился объ этой подставной цѣли, утверждая, будто отрѣзать французовъ и намѣренія не было, а думали только объ одномъ—изгнаніи французовъ изъ Россіи!“

Далѣе генералъ Драгомировъ приводитъ нѣсколько образцовъ разсужденій и слога графа Толстого, кои говорятъ сами за себя: а) „изъ безчисленнаго ряда неисполненныхъ приказаній наполеоновскихъ составился рядъ исполненныхъ прика-

---

[1]) По мнѣнію графа Толстого, всякое исполненное приказаніе есть одно изъ *огромнаго* количества неисполненныхъ.

заній для похода 12 года, не потому, чтобы приказанія эти отличались чѣмъ-нибудь отъ другихъ неисполненныхъ приказаній, а потому, что рядъ этихъ приказаній совпалъ съ рядомъ событій, приведшихъ французскія войска въ Россію"; б) „такъ что... приказаніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть причиною [1]) событія, а между тѣмъ и другимъ существуетъ извѣстная опредѣленная зависимость"... [2]); в) „это *отношеніе приказывающаго* къ тѣмъ, которымъ онъ приказываетъ, и есть именно то, что называется *властью*"; г) „это то *отношеніе* лицъ *приказывающихъ* къ тѣмъ, которымъ они приказываютъ, и составляетъ сущность *понятія*, называемаго *властью* [3]). Подобному основанію соотвѣтствуетъ и выводъ, въ силу коего „приказанія исполняются рѣдко; приказывающіе менѣе всего принимаютъ участіе въ событіи" [4])... Въ заключеніе же къ этому отдѣлу „умозрительныхъ опытовъ" графъ Толстой говоритъ: „Въ нравственномъ отношеніи причиною событія представляется власть; въ физическомъ отношеніи тѣ, которые подчиняются власти. Но такъ какъ нравственная дѣятельность немыслима безъ физической, то причина событія находится ни въ той, ни въ другой, а въ соединеніи обѣихъ". Или, другими словами, къ явленію, которое мы разсматриваемъ, понятіе причины неприложимо" [5]). Генералъ Драгомировъ не находитъ между этимъ „весьма вольнымъ" переводомъ предыдущей мысли и подлинникомъ „никакой логической связи", а противъ этого мы, въ свою очередь, не находимъ никакихъ возраженій.

Далѣе графъ Толстой разсуждаетъ „о свободѣ воли человѣ-

[1]) «Развѣ въ этомъ кто-нибудь сомнѣвается», спрашиваетъ генералъ Драгомировъ. Иначе говоря, графъ Толстой, въ этомъ случаѣ, ломится въ открытую дверь.

[2]) «Которую простые смертные и называютъ причиною» (поясненіе генерала Драгомирова).

[3]) Въ первомъ опредѣленіи власть—конкретный фактъ, во второмъ—понятіе.

[4]) Стр. 130—131.

[5]) Стр. 132.

вѣка и о законѣ необходимости“. Характеръ разсужденій тотъ же, что и ранѣе; „только въ послѣдней части уже и сценъ нѣтъ; а одни только странныя и совершенно непонятныя умствованія, которыя въ такомъ твореніи являются просто ненужнымъ балластомъ“ [1]).

Этому заключенію, а равно и сущности всего разбора соотвѣтствуютъ и нижеслѣдующія поясненія генерала Драгомирова: „Если авторъ себя пересилить не можетъ, если, одаренный изобразительною способностью, онъ предпочитаетъ упражняться въ умозрительствѣ, тогда ему не мѣшало бы по крайней мѣрѣ дать себѣ трудъ болѣе ознакомиться съ методами теоретическаго изслѣдованія, дабы сознательнѣе прилагать ихъ къ разбираемымъ вопросамъ. На одномъ геометрическомъ способѣ приведенія къ нелѣпости нельзя далеко уѣхать. Авторъ дошелъ уже до того, что для изслѣдованія какого-либо вопроса нужно разложить его на составныя части; но до того, что нужно ихъ опять сложить, т. е. отъ анализа перейти къ синтезу, онъ еще не дошелъ: эти два обстоятельства (геометрическій способъ аргументаціи и остановка на анализѣ) и ведутъ къ тому, что у автора (романа) все разлагается, все другъ другу противорѣчитъ, а онъ воображаетъ, что этому такъ и быть должно... Не видя причины разладу (ибо она въ немъ самомъ), но чувствуя его, авторъ успокаиваетъ себя тѣмъ, что этой причины человѣкъ и знать не можетъ. Умственные реактивы то же, что и химическіе; употреблять ихъ дѣльно можно только зная ихъ свойства, а безъ этого можетъ случиться, что разложить еще разложите, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, а соединить и не съумѣете. Авторъ (романа) очутился именно въ такомъ положеніи... Для него связь между руководителями и массами не найдена; между идеями, господствующими въ данную эпоху, и тѣми же массами—тоже не найдена; приказанія, очевидно, клонящіяся къ осуществленію одной извѣстной цѣли, не имѣютъ между собою рѣшительно

[1]) Стр. 133.

ничего общаго, и т. д. Не напоминаетъ-ли это химика, который, съумѣвъ разложить воду и не зная, какъ составить ее, вздумалъ бы утверждать, что ея нѣтъ и въ природѣ, а что есть только кислородъ и водородъ—газы совершенно по своимъ свойствамъ различные и не имѣющіе между собою ничего общаго" [1])?

Подобно тому, какъ въ ряду разборовъ романа „Война и и Миръ", произведенныхъ людьми *военными*, первое мѣсто принадлежитъ разбору М. И. Драгомирова,—такъ въ ряду разборовъ, рецензій и полемическихъ статей, посвященныхъ тому же роману и вышедшихъ изъ подъ пера людей „*не изъ военныхъ*", на первое же мѣсто слѣдуетъ поставить *критическія статьи Н. Страхова* [2]), который въ данномъ отношеніи является настолько ярымъ поклонникомъ гр. Толстого, что не задумывается провозгласить, съ нетерпимостью испанскихъ инквизиторовъ, слѣдующія положенія, находящіяся въ непримиримомъ противорѣчіи съ вышеразсмотрѣнными взглядами нашего военнаго критика:

а) „Война и Миръ" есть... *превосходный пробный камень всякаго критическаго и эстетическаго пониманія...* Кажется, легко понять, что *не* „Войну и Миръ" *будутъ цѣнить по вашимъ словамъ и мнѣніямъ, а васъ будутъ судить по тому, что вы скажете о* „Войнѣ и Мирѣ" [3]).

б) „*Полная картина человѣческой жизни. Полная картина тогдашней Россіи.* **Полная картина того, что называется исторіею и борьбою народовъ.** *Полная картина всего, въ чемъ люди полагаютъ свое счастіе и величіе, свое горе и униженіе. Вотъ что такое* „Война и Миръ" [4]).

Попробуемъ разобраться въ этомъ рѣзкомъ разногласіи ме-

---

[1]) Стр. 133—134.

[2]) *Страховъ.* Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ. 3-е изданіе. 1895. Стр. 225—392.

[3]) Тамъ же, стр. 392. Курсивъ нашъ.

[4]) Тамъ же, стр. 348. Курсивъ нашъ.

жду двумя критиками, для чего сначала уяснимъ себѣ сущность идей и положеній второго изъ нихъ.

Н. Страховъ признаетъ, что „Война и Миръ“ есть самое непонятное изъ всѣхъ произведеній русской литературы“, но тутъ же прибавляетъ, что въ отношеніи къ нему „нельзя даже сваливать всю вину на дурное состояніе нашей литературы и вообще нашихъ читателей, и что „главная вина непониманія и недоумѣнія заключается въ той страшной высотѣ, на которую поднялся гр. Л. Н. Толстой и которая недоступна для большинства“ [1]).

Смыслъ „Войны и Мира“ яснѣе всего выражается въ словахъ автора: „Нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ *простоты, добра и правды*“.

„Задача художника состояла въ томъ, чтобы изобразить истинное величіе... и противопоставить его ложному величію... Эта задача выразилась не только въ противопоставленіи Кутузова и Наполеона, но и во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ борьбы, вынесенной цѣлою Россіею, въ образѣ чувствъ и мыслей каждаго солдата, во всемъ нравственномъ мірѣ русскихъ людей, во всемъ ихъ бытѣ, во всѣхъ явленіяхъ ихъ жизни, въ ихъ манерѣ любить, страдать, умирать. Художникъ изобразилъ со всею ясностію, въ чемъ русскіе люди полагаютъ человѣческое достоинство, въ чемъ тотъ идеалъ величія, который присутствуетъ даже въ слабыхъ душахъ и не оставляетъ сильныхъ даже въ минуты ихъ заблужденій и всякихъ нравственныхъ паденій. Идеалъ этотъ состоитъ... въ простотѣ, добрѣ и правдѣ. Простота, добро и правда побѣдили въ 1812 году силу, не соблюдавшую простоты, исполненную зла и фальши. Вотъ смыслъ „Войны и Мира“... Художникъ далъ намъ новую русскую форму *героической жизни*, ту форму, подъ которую никакъ не можетъ подойти Наполеонъ. О Кутузовѣ авторъ говоритъ: „*Простая*, *скромная*, и потому *истинно величествен-*

[1]) Тамъ же, стр. 349. Если правъ Страховъ вполнѣ, то она понятна лишь ему и еще какимъ-нибудь 2—3 человѣкамъ.

ная фигура эта не могла улечься въ ту форму европейскаго героя, **мнимо управляющаго людьми** [1]), которую придумала исторія [2]). Но то же самое слѣдуетъ разумѣть обо всѣхъ русскихъ людяхъ... выведенныхъ въ „Войнѣ и Мирѣ". Ихъ чувства, мысли и желанія, насколько въ нихъ есть героическаго, насколько въ нихъ проявляется стремленіе къ героическому и пониманіе героическаго, не укладываются въ тѣ чужія и лживыя формы, которыя созданы Европою. Весь русскій душевный строй *проще*, *скромнѣе*, представляетъ ту гармонію, то равновѣсіе силъ, которыя одни согласны съ истиннымъ величіемъ и нарушеніе которыхъ мы ясно чувствуемъ въ величіи другихъ народовъ?.. Чисто русскій героизмъ, чисто русское героическое во всевозможныхъ сферахъ жизни,—вотъ что далъ намъ Л. Н. Толстой, вотъ главный предметъ „Войны и Мира" [3]).

Признавая такимъ образомъ, что гр. Толстой первый разрѣшилъ задачу всей нашей литературы послѣ Гоголя, состоявшую въ томъ, чтобы отыскать русскій героизмъ, сгладить то отрицательное отношеніе, въ которое сталъ къ жизни Гоголь, и уразумѣть русскую дѣйствительность болѣе правильнымъ, болѣе широкимъ образомъ,—Страховъ вмѣстѣ съ тѣмъ поясняетъ, что гр. Толстымъ рѣшена не вся задача, исчерпана не вся широкая область русской души, но что та половина задачи, которая въ настоящую минуту была всего настоятельнѣе и важнѣе, получила въ „Войнѣ и Мирѣ" рѣшеніе, по своей силѣ и ясности не уступающее никакому другому созданію поэзіи, принадлежащее къ высшимъ ея проявленіямъ"... „Не весь русскій идеалъ воплотился у гр. Л. Н. Толстого, но съ неотразимою силою и прелестію у него раздался „голосъ за простое и доброе, поднявшійся въ душахъ нашихъ противъ ложнаго и хищнаго", въ чемъ и заключается „существенный, главнѣйшій смыслъ „Войны и Мира" [4]).

---

[1]) Усиленный курсивъ нашъ.

[2]) Война и Миръ. Т. VI, стр. 88.

[3]) *Страховъ*, стр. 352—354.

[4]) *Страховъ*. Стр. 355—356.

Не отрицая извѣстной доли истины въ этой оцѣнкѣ смысла „Войны и Мира“ и даже въ его опредѣленіи, нельзя не замѣтить, что Страховъ, въ своемъ увлеченіи гр. Толстымъ, хватаетъ далеко черезъ край. Инстинктивно онъ и самъ это чувствуетъ, но настолько относительно слабо, что это нисколько не отражается на его заключеніяхъ. Онъ признаетъ, правда, что „симпатіи автора имѣютъ нѣкоторую односторонность“, но сейчасъ же оказывается, что эта односторонность выкупается „тѣмъ большею проницательностью и глубиною относительно той стороны, на которую обращены эти симпатіи“.

Въ чемъ же дѣло? „Существуетъ на свѣтѣ какъ будто два рода героизма: одинъ—дѣятельный, тревожный, порывающійся, другой — страдательный, спокойный, терпѣливый. Ап. Григорьевъ замѣтилъ въ нашей литературѣ появленіе лицъ, представляющихъ въ своей натурѣ это различіе, и называлъ ихъ двумя различными типами, *хищнымъ* и *смирнымъ*. Гр. Л. Н. Толстой, очевидно, съ величайшимъ сочувствіемъ относится къ страдательному или смирному героизму и... мало питаетъ сочувствія [1]) къ героизму дѣятельному и хищному... Къ категоріи дѣятельнаго героизма относятся не только французы вообще и Наполеонъ въ особенности, но и множество русскихъ лицъ, напримѣръ, Растопчинъ, Ермоловъ, Милорадовичъ, Долоховъ и пр. Къ категоріи смирнаго героизма принадлежитъ прежде всего—самъ Кутузовъ, величайшій образецъ этого типа, потомъ Тушинъ, Тимохинъ, Дохтуровъ, Коновницынъ и пр., вообще—вся масса нашихъ военныхъ и вся масса русскаго народа. Весь разсказъ „Войны и Мира“ какъ будто имѣетъ цѣлью доказать превосходство смирнаго героизма надъ героизмомъ дѣятельнымъ, который повсюду оказывается не только побѣжденнымъ, но и смѣшнымъ, не только безсильнымъ, но и вреднымъ“... „Авторъ показываетъ, какъ повсюду увѣренность въ своей силѣ, признаніе за своею личностію способности из-

---

[1]) Если вѣрно то, что говоритъ далѣе Страховъ, то правильнѣе было бы сказать: вовсе не питаетъ сочувствія.

мѣнять и направлять событія—ведетъ только къ ошибкамъ и неизбѣжно соединяется съ игрою самыхъ дурныхъ страстей, самолюбія, тщеславія, зависти, ненависти и пр. Такимъ образомъ... у хищнаго типа отнято всякое поприще дѣйствія. Между тѣмъ, вообще говоря, невозможно отрицать, чтобы люди рѣшительные, смѣлые не имѣли никакой важности въ ходѣ дѣлъ, чтобы русскій народъ не пораждалъ людей, дающихъ просторъ своимъ личнымъ взглядамъ и силамъ. Совершенно справедливо, что при такомъ развитіи личности она большею частью отличается весьма непривлекательными чертами; но несомнѣнно также, что въ этихъ людяхъ проявляются и прекрасныя свойства русской душевной силы. *Итакъ есть сторона русскаго характера, которая не вполнѣ схвачена и изображена авторомъ*" [1]... Но пока нѣтъ у насъ чистыхъ и ясныхъ образовъ дѣятельнаго героизма, пока этотъ героизмъ не нашелъ себѣ своего поэта-выразителя [2], мы должны смиренно преклониться передъ поэтомъ, прославившимъ и воплотившимъ передъ нами героизмъ смиренія... И въ существенномъ пунктѣ мы не можемъ не согласиться съ поэтомъ, то есть, мы вполнѣ признаемъ *превосходство смирнаго героизма надъ героизмомъ дѣятельнымъ* [3]...

Мы, съ своей стороны, знаемъ только одинъ героизмъ смирный, но дѣйствительно высокій и одержавшій, въ свое время, великую побѣду, это *героизмъ христіанскій,* первыхъ вѣковъ христіанства. Казалось бы, что, ко времени одержанія этой побѣды, т. е. ко времени паденія языческаго Рима, все складывалось наилучшимъ образомъ для дальнѣйшаго рѣшительнаго преобладанія героизма смирнаго надъ дѣятельнымъ. Не тутъ-то было въ наиболѣе культурной части историческаго міра, т. е. въ романо-германской Европѣ: здѣсь почти всегда

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Самъ же Страховъ признаетъ, что таковымъ явился Пушкинъ въ «Мѣдномъ Всадникѣ» по отношенію къ Петру Великому.

[3]) *Страховъ,* Стр. 357—359. Курсивъ нашъ.

преобладалъ героизмъ дѣятельный надъ смирнымъ, хотя не рѣдко первый надѣвалъ маску и старался разыграть роль вто рого [1]), и не удивительно, такъ какъ во главѣ романо-герман ской Европы сначала стояло папство, олицетворявшее воин ствующій римскій католицизмъ, а затѣмъ противъ папства вы ступилъ, въ защиту попраннаго имъ (римскимъ католицизмомъ и папствомъ) идеала, протестантизмъ, который, однако, не могъ противодѣйствовать римскому католицизму (съ папствомъ во главѣ), противопоставляя ему лишь одинъ смирный ге роизмъ, а потому силою обстоятельствъ былъ вынужденъ раз вить въ возможно большей степени тотъ же героизмъ дѣя тельный. Въ восточной Европѣ, или вѣрнѣе въ мірѣ греко славянскомъ, условія были дѣйствительно болѣе благопріятны для проявленія героизма смирнаго, но, однако, злоупотребле ніе примѣненіемъ этого героизма давало всегда отрицатель ные результаты, и если Русь Московская, превратившаяся впослѣдствіи въ Россію, вынесла на своихъ плечахъ и при томъ съ болѣе или менѣе полнымъ успѣхомъ всю тяжесть выпадавшей на ея долю борьбы, то это только и можно объ яснить удачнымъ сочетаніемъ обоихъ героизмовъ, какъ смир наго, такъ и дѣятельнаго, но въ особенности наличностью над лежащей доли героизма дѣятельнаго. И дѣйствительно: вѣдь представителями этого дѣятельнаго героизма были кто же какъ не *Олегъ, Игорь, Святославъ,* громадное *большинство* послѣдующихъ *князей,* великихъ и удѣльныхъ, весь *„господинъ Великій Новгородъ“*, все наше *казачество* и вся *вольница* проводившая дѣло колонизаціи на сѣверѣ, востокѣ и юго-во стокѣ, *Петръ Великій* и *Екатерина Великая* съ цѣлою плея дою блестящихъ сподвижниковъ, среди коихъ, въ ряду воен ныхъ, на первыя мѣста должны быть поставлены *Румянцевъ* и особенно *Суворовъ* и т. д. Смѣемъ думать, что если бы гр. Толстой понималъ дѣйствительное значеніе этой массы истори

---

[1]) Не даромъ императоръ Фридрихъ II Гогенштауфенъ называлъ папство «*mit dem Oele der Schelmerei gesalbte Pharisäerthum*».

скихъ дѣятелей въ исторіи Россіи, то онъ отказался бы отъ многихъ своихъ (вышеприведенныхъ) положеній, а въ такомъ случаѣ и такъ прославляемое Страховымъ возвеличеніе смирнаго героизма въ ущербъ дѣятельному не было бы имъ (гр. Толстымъ) проведено въ романѣ, отъ чего этотъ романъ только бы выигралъ, такъ какъ, по мнѣнію самого Страхова (съ которымъ на этотъ разъ нельзя не согласиться), и въ этихъ людяхъ „проявляются прекрасныя свойства русской душевной силы". Но если гр. Толстой игнорируетъ умышленно или просто не понимаетъ русскихъ историческихъ дѣятелей, олицетворяющихъ героизмъ дѣятельный, то, быть можетъ, онъ зато вполнѣ понимаетъ представителей героизма смирнаго, напримѣръ, того, кто, по мнѣнію Страхова, представляетъ въ „Войнѣ и Мирѣ"—„величайшій образецъ этого типа", т. е. Кутузова.

Кутузовъ, какъ военный человѣкъ, образовался въ славную Екатерининскую эпоху, когда въ нашемъ отечествѣ и особенно въ нашей арміи установились условія, благопріятствовавшія въ высшей степени широкому примѣненію принципа *дѣятельности*, выдвигавшія людей, способныхъ къ столь же широкому проявленію частнаго почина, т. е. представителей героизма дѣятельнаго.

Конечно, первою изъ звѣздъ 1-й величины былъ великій Суворовъ, который широко поощрялъ духъ предпріимчивости, рѣзко отличалъ и награждалъ частный починъ, разрѣшалъ атаковать въ 4—5 разъ большія силы, но *„но съ разумомъ, искусствомъ* и *подъ отвѣтомъ"*, положилъ въ основу своихъ дѣйствій *„глазомѣръ, быстроту и натискъ"*, не признавалъ *„ничего кромѣ наступательнаго"* и терпѣть не могъ *„немогузнаекъ"*. Въ его школѣ былъ и Кутузовъ, къ которому онъ относился какъ нельзя лучше съ точки зрѣнія оцѣнки его способностей и дѣятельности, что подтверждается и извѣстными словами великаго полководца: *„Суворовъ знаетъ Кутузова, а Кутузовъ знаетъ Суворова"*. Относился же онъ къ нему такъ, потому что отлично понималъ, что Кутузовъ проявитъ героизмъ

не только смирный, но и дѣятельный, тамъ, гдѣ это будетъ нужно, и въ такой степени, въ какой это будетъ нужно.

По мнѣнію князя Андрея и гр. Л. Н. Толстого, у Кутузова *„не будетъ ничего своего"* [1]). Странно, какъ это князь Андрей бывшій, по словамъ гр. Толстого, „живымъ упрекомъ Кутузову въ Бухарестѣ по своей дѣятельности", не зналъ или не понималъ его дѣйствій въ кампанію 1811 года и особенно геніально задуманной и исполненной Рущукской операціи, когда Кутузовъ, имѣя не болѣе 46,000 чел. противъ 70,000 турокъ, успѣшно выполнилъ задачу обороны Дуная отъ Бѣлграда до устья и охраненія спокойствія въ дунайскихъ княжествахъ и въ Бессарабіи,—когда великій визирь, оставивъ часть силъ на правомъ берегу Дуная, переправился выше Рущука съ большею частью и предполагалъ, выждавъ выхода въ тылъ русскимъ другой турецкой арміи Измаилъ-бея, покончить съ Кутузовымъ,—когда затѣмъ Кутузовъ составилъ планъ — перевести часть войскъ на правый берегъ Дуная (сильно командовавшій лѣвымъ), прогнать оставшуюся на немъ часть непріятельской арміи, утвердиться здѣсь и плѣнить визиря съ переправившейся частью его войскъ,—когда, наконецъ Кутузовъ привелъ этотъ свой (въ высшей степени отважный) планъ въ исполненіе настолько, что Турція сочла себя вынужденною согласиться заключить весьма выгодный для насъ „Богодарованный" бухарестскій миръ и отдать намъ Бессарабію въ то самое время, когда на Россію надвигалась съ запада грозная туча. *Это у Кутузова было безусловно свое*, и если незнаніе этого можетъ быть еще прощено князю Андрею, то оно не можетъ быть прощено гр. Толстому, который долженъ былъ бы тщательнѣе изучить „величайшій образецъ" симпатичнаго ему типа смирнаго героизма.

Такимъ образомъ оказывается, что въ этомъ случаѣ гр. Толстой далеко не вполнѣ понимаетъ дѣйствительнаго Кутузова, Страховъ не вполнѣ понимаетъ даже и толстовскаго

---

[1]) См. выше, стр. 32.

Кутузова, не говоря уже о дѣйствительномъ, а оба они, гр. Толстой и Страховъ, обнаруживаютъ незнаніе или непониманіе крупнаго историческаго факта.

Послѣ сказаннаго едва-ли можно согласиться съ ними обоими въ томъ, что смирный героизмъ долженъ быть поставленъ выше героизма дѣятельнаго, ибо дѣйствительное величіе достигается только при условіи удачнаго сочетанія обоихъ героизмовъ, отвѣчающаго требованіямъ обстановки, тогда какъ нецѣлесообразное примѣненіе героизма смирнаго можетъ привести къ своего рода донкихотству. Мало того, приходится призадуматься надъ заключеніемъ Страхова, что „весь русскій душевный строй... представляетъ ту гармонію, то равновѣсіе силъ, которыя одни согласны съ истиннымъ величіемъ и нарушеніе которыхъ мы ясно чувствуемъ въ величіи другихъ народовъ"...

Какъ это ни пріятно нашему сердцу, но это если и можно принять, то съ соотвѣтствующими оговорками, дабы мы не вообразили себя совершенствомъ и не испортили въ себѣ тѣхъ хорошихъ задатковъ, кои имѣются несомнѣнно, но при неблагопріятныхъ условіяхъ могутъ заглохнуть.

Если правъ Страховъ, то мы чуть-ли не способны проявить тотъ же героизмъ смирный христіанскій, который былъ проявленъ первыми христіанами. На дѣлѣ, конечно, мы весьма отъ нихъ далеки, и если и превышаемъ въ этомъ отношеніи другіе народы, то это превосходство не настолько велико, чтобы мы могли всегда и вездѣ уравновѣсить имъ то, чѣмъ другіе народы превосходятъ насъ. Говоря словами Петра I, нужно и *„разсужденіе имѣть"*, а его-то нерѣдко не хватаетъ. Масса простого народа инстинктивно чувствуетъ, какъ должно рѣшить тѣ несложные вопросы, которые ей приходится рѣшать; но разъ дѣло доходитъ до случаевъ, когда такъ называемое интеллигентное общество должно самостоятельно рѣшать выпадающіе на его долю вопросы, или хотя бы только идти впереди младшей братіи по инстинктивно опредѣляемому ею пути, какъ тотчасъ же это общество приходитъ въ смуще-

ніе и оказывается въ болѣе или менѣе безпомощном положеніи. Вотъ почему оно такъ быстро разочаровывается и разбиваетъ сегодня то, чему поклонялось вчера! Вотъ почему оно относится съ ироніею и насмѣшкою къ вышедшимъ изъ моды или къ не вошедшимъ еще въ моду „высокимъ чувствамъ“, или къ вопросамъ, выходящимъ изъ сферы будничной жизни, которыхъ оно не понимаетъ! Вотъ почему объ искусствѣ, а тѣмъ болѣе о наукѣ оно судитъ съ чужого голоса. Вотъ почему, страдая недостаткомъ истинной вѣры и не зная ученія своей церкви, оно такъ падко на поученія разныхъ лжепророковъ!

Обращаясь къ такому обществу, должно прежде всего докладывать ему дѣло, какъ оно есть, разъяснять ему сущность этого дѣла, наводить его на размышленія, возбуждать въ немъ потребность въ „разсужденіи“, но отнюдь не навязывать ему своихъ воззрѣній, мороча его разными софизмами или хотя бы хитросплетенными теоріями, или запугивая его тѣмъ, что не „Войну и Миръ“ будутъ цѣнить по его словамъ и мнѣніямъ, а его будутъ судить по тому, что оно скажетъ о „Войнѣ и Мирѣ“. Самъ же Страховъ жалуется на то, что *„у насъ трудно говорить о литературѣ“*, а между тѣмъ самъ же хочетъ лишать слова тѣхъ, кто относится критически къ гр. Толстому.

Да и справедливы-ли сѣтованія Страхова на то, что у насъ недостаточно оцѣнили „Войну и Миръ“? Самъ же онъ признаетъ, что успѣхъ этого произведенія гр. Толстого „былъ необыкновенный“, что притомъ это былъ „успѣхъ самаго высокаго разряда“, что „ни одно изъ нашихъ классическихъ произведеній... не расходилось такъ быстро и въ такомъ количествѣ экземпляровъ, какъ „Война и Миръ“ и т. д. Чего же еще больше желать въ этомъ отношеніи? Очевидно, этого довольно! Общество признаетъ, что это произведеніе классическое и притомъ „изъ тѣхъ, которыя не только имѣютъ успѣхъ, но и заслуживаютъ его [1]). Едва-ли найдется кто-либо,

---

[1]) *Страховъ*, стр. 234.

тавшій „Войну и Миръ", кто отрицалъ бы констатируемое раховымъ *„высокое художественное выполненіе"*. Напротивъ го, всякій читатель восторгался, восторгается и будетъ восгаться этою стороною даннаго произведенія.

Большинство читателей согласится, пожалуй, и съ тѣмъ, о *„художественность не дается даромъ"* и даже съ тѣмъ, о она *не можетъ существовать отдѣльно отъ глубокихъ ıслей и глубокихъ чувствъ"* [1]), согласится и съ тѣмъ, что . Толстой „ищетъ *слѣдовъ красоты души человѣческой,*— цетъ въ каждомъ изображаемомъ лицѣ той *искры Божіей,* › которой заключается человѣческое достоинство личнои"... [2]) и т. п., но оно едва-ли признаетъ, что „глубокія ıсли и глубокія чувства", неразрывныя съ художественностью Войны и Мира", покоятся на прочномъ основаніи, или же, о гр. Толстому удалось и въ дѣйствительности „найти и редѣлить со всею точностію, какимъ образомъ и въ какой ѣрѣ идеальныя стремленія человѣка осуществляются въ дѣйвительной жизни" [3]).

По всему вѣроятію, всѣ читатели согласятся съ тѣмъ, что ъ сосѣдствѣ съ хроникою „Войны и Мира", на-ряду съ ея ıвотрепещущими картинами", философскія разсужденія гр. олстого „кажутся слабыми, мало занимательными, мало совѣтствующими величію и глубинѣ предмета", что въ этомъ ношеніи гр. Толстой „сдѣлалъ большую ошибку противъ дожественнаго такта", что *„его хроника*, очевидно, *подаляетъ собою его философію"*, и что *„его философія мѣшаетъ о хроникѣ"* [4]). Не то-ли же самое говоритъ и военный крикъ гр. Толстого, поясняющій, что въ авторѣ „Войны и Мира" *дожникъ на каждомъ шагу бьетъ философа*. По отношенію ь этому вопросу, такъ формулированному, едва-ли и возожно разногласіе. Но затѣмъ Страховъ находитъ, что фило-

---

[1]) Тамъ же, стр. 236.

[2]) Тамъ же, стр. 246.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же, стр. 362.

софскія разсужденія гр. Толстого „сами по себѣ чрезвычайн хороши“, что его философія обладаетъ „неотъемлемыми“ до стоинствами и что его „философскіе взгляды тѣсно связан съ содержаніемъ его хроники“, и содержатъ въ себѣ „замѣ чательно точную и глубокую формулировку нѣкоторыхъ во просовъ, касающихся исторіи вообще“ [1]).

Въ то же время, однако, онъ признаетъ, что эти взгляд „не исчерпываютъ въ отвлеченной формѣ всего содержанія которое „Война и Миръ“ представляетъ въ формѣ художе ственной“ и что они не заключаютъ въ себѣ фомулировк *всѣхъ* „вопросовъ, касающихся исторіи вообще“. Уже призна ніе перваго факта болѣе или менѣе оправдываетъ критиков гр. Толстого, а признаніе второго не только снимаетъ съ них какую бы то ни было отвѣтственность за то, что они позво лили себѣ критиковать автора „Войны и Мира“, но является самообвиненіемъ для самого Страхова, проявляющаго, въ этомъ случаѣ, далеко не похвальную нетерпимость и обнару живающаго при этомъ еще и недостатокъ безпристрастія.

Но какова же сущность принадлежащей гр. Толстому и такъ прославляемой Страховымъ „формулировки нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся исторіи вообще“? „Главная мысль и философіи и хроники гр. Толстого“ сводится къ тому, что „*исторія совершается помимо людского произвола*“, что „*въ ней, неожиданно для разума и усилій людей, обнаруживается дѣйствіе другихъ, болѣе могучихъ и глубокихъ силъ*“ [2]).

Едва-ли кто-либо отрицалъ когда-либо, что въ исторіи, неожиданно для разума и усилій людей, обнаруживается дѣйствіе другихъ силъ, кромѣ людского произвола, силъ болѣе могучихъ и болѣе глубокихъ. Всѣ „*историки*“ такъ и понимали этотъ вопросъ. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи Толстой, якобы впервые это утверждающій, ломится въ совершенно открытую дверь, а Страховъ кричитъ „караулъ“ въ то

[1]) Тамъ же, стр. 362 и 363.

[2]) *Н. Страховъ*, стр. 363.

время, когда никто, нигдѣ, никому и ничему не угрожаетъ. Что же касается того, что „исторія совершается помимо людского произвола“, то и тутъ нужно прежде всего условиться, какъ это понимать. Опять-таки никто изъ „историковъ“ не доказывалъ, что „исторія совершается“ людскимъ произволомъ, т. е. никто и не увѣнчивалъ его; графъ же Толстой, не взирая на это, его развѣнчиваетъ. И это бы еще ничего; но въ такомъ случаѣ должно поставить этотъ злополучный „людской произволъ“ на надлежащее мѣсто. Этого-то гр. Толстой и не сдѣлалъ, а Страховъ этого-то и не замѣтилъ. Зато онъ не упустилъ случая обрушиться на тѣхъ, которые считаютъ возможнымъ восхищаться поэзіею гр. Л. Н. Толстого и глумиться надъ его философіею и которые не замѣчаютъ „связи между тою и другою“... „Нельзя, говоритъ Страховъ, восхищаться безукоризненно-правдивымъ художественнымъ разсказомъ гр. Л. Н. Толстого и не видѣть, что этимъ разсказомъ вполнѣ подтверждаются его мысли о великихъ людяхъ, о власти, о значеніи каждаго отдѣльнаго человѣка въ общемъ ходѣ событій, о томъ, что недостаточны и лживы объясненія историковъ и т. д. Это цѣлый *рядъ прекрасныхъ истинъ, тѣсно связанныхъ между собою и лишь иногда выраженныхъ преувеличенно*, что очень легко исправить, держась несомнѣннаго руководства, даннаго намъ самимъ гр. Л. Н. Толстымъ, т. е. его хроники“... [1]) „Пусть, напримѣръ, кто-нибудь попробуетъ отрицать положеніе..., что Наполеонъ былъ *ничтожнѣйшимъ орудіемъ исторіи*. По смыслу хроники это вѣдь не значитъ, что Наполеонъ былъ человѣкъ тупой умомъ и слабый волею; напротивъ, все дѣло въ томъ, что онъ былъ необычайно проницателенъ и энергиченъ и, однакоже, не *могъ ничего уразумѣть и ничего сдѣлать,* когда на сцену выступили дѣйствительныя силы исторіи“... Изъ „Войны и Мира“ ясно, что каждый солдатъ, повиновавшійся силѣ исторіи и потому содѣйствовавшій событію, которое она совершала, былъ въ этомъ

[1]) *Страховъ,* стр. 364. Курсивъ нашъ.

отношенiи выше Наполеона, который ничего не сдѣлалъ и н могъ сдѣлать ни въ пользу событiя, ни противъ него"... [1]).

Прежде всего, даже изъ выше разсмотрѣнныхъ разсужд нiй Страхова видно, что связь между поэзiею и философiею гр Толстого далеко не полна. Затѣмъ только пристрастный из слѣдователь можетъ «видѣть», что разсказомъ гр. Толстог «подтверждаются его мысли о великихъ людяхъ, о власти, значенiи каждаго отдѣльнаго человѣка въ общемъ ходѣ со бытiй» и т. п. Въ этомъ отношенiи нельзя не стать на сторон генерала Драгомирова, когда онъ опровергаетъ именно эт мысли гр. Толстого, обличаетъ его въ несправедливомъ ума ленiи значенiя руководящихъ личностей и т. д. [2]).

Оцѣнивая изложенiе гр. Толстымъ его «философiи исторiи въ послѣдней половинѣ эпилога, Страховъ заявляетъ, что он былъ *удивленъ* «многими превосходными, чисто-классическим страницами этихъ разсужденiй», при чемъ отмѣчаетъ замѣча тельную по глубинѣ постановку вопроса *о свободѣ воли* и бо лѣе интересныя положенiя гр. Толстого, какъ напримѣръ: а „Если понятiе о свободѣ для разума представляется безсмы сленнымъ противорѣчiемъ, какъ возможность совершить дв поступка въ одинъ моментъ, то *это доказываетъ только то что сознанiе свободы не подлежитъ разуму*"... [3]); б) точн такъ же, какъ предметъ всякой науки есть проявленiе неиз вѣстной сущности, сама же эта сущность можетъ быть тольк предметомъ метафизики, — точно также проявленiе силы сво боды людей въ пространствѣ, времени и зависимости отъ при чинъ, составляетъ предметъ исторiи; *сама же свобода есть предметъ метафизики*"... [4]); в) „человѣкъ, въ связи съ обще жизнью человѣчества, представляется подчиненнымъ законамъ опредѣляющимъ эту жизнь; но тотъ же человѣкъ, независим отъ этой связи, представляется свободнымъ; какъ должна быт

[1]) Тамъ же, стр. 364—365. Курсивъ въ подлинникѣ.
[2]) См. выше, стр. 25—37, 41—44 и 48—52.
[3]) *Страховъ*, стр. 366—367.
[4]) Тамъ же, стр. 369—370.

разсматриваема прошедщая жизнь народовъ и человѣчества,— какъ произведеніе свободной или несвоболной дѣятельности людей? Вотъ вопросъ исторіи"... [1]).

Попытавшись, въ цѣломъ рядѣ разсужденій, выяснить отношенія между необходимостью и свободою, гр. Толстой приходитъ къ заключенію, что въ исторіи, не отвергая дѣйствительной свободы, и не пытаясь проникнуть въ ея сущность, мы должны *отказаться отъ несуществующей свободы и признать неощущаемую нами зависимость* [2]).

Отмѣтивъ это окончаніе «Войны и Мира», Страховъ говоритъ: «Какое... нехудожественное заключеніе! Скучно и странно читать хотя превосходныя, но совершенно сухія разсужденія послѣ живыхъ лицъ и картинъ хроники. А что нехорошо въ художественномъ отношеніи, то непремѣнно будетъ нехорошо и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ случилось и здѣсь. Конечно, были бы не скучны такія разсужденія, которыя бы вполнѣ стояли на высотѣ хроники, вполнѣ исчерпывали ея предметъ. Но этого здѣсь нѣтъ. Читатель, слѣдя за философскими мыслями автора, все ждетъ, что авторъ приложитъ свои общія соображенія къ главному своему предмету, къ борьбѣ Россіи съ Европой. Но авторъ какъ будто вовсе забылъ о томъ, что составляетъ весь интересъ его произведенія... Итакъ, главной мысли «Войны и Мира» нельзя искать въ философскихъ формулахъ гр. Л. Н. Толстого, а нужно искать въ самой хроникѣ»... [3]).

Такимъ образомъ Страховъ пошелъ войною на критиковъ Толстого и притомъ не на животъ а на смерть, а между тѣмъ самъ говоритъ то же самое, что и эти критики (отбрасывая нѣкоторыя крайности). Правда, онъ сейчасъ же спохватывается, замазываетъ эту шероховатость подчеркиваніемъ заслугъ автора „Войны и Мира" и набрасывается на Тургенева

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же, стр. 371.

[3]) Страховъ, стр. 371—373.

за то, что онъ позволилъ себѣ сказать слѣдующее: „самый п чальный примѣръ *отсутствія истинной свободы, проист кающаго изъ отсутствія истиннаго знанія,* представляетъ нам послѣднее произведеніе гр. Л. Н. Толстого „Война и Миръ которое въ то же время, по силѣ творческаго, поэтическа дара, стоитъ едва ли не во главѣ всего, что явилось въ наше литературѣ съ 1840 года“ [1]). Страховъ отказываетъ Тургенев въ правѣ укорять другихъ въ рабствѣ и не безъ основані „самостоятельности, и, слѣдовательно, независимости, нѣтъ в г. Тургеневѣ никакой... Что изъ того, что во время разгара ни гилизма онъ написалъ „Отцовъ и Дѣтей“, а во время разгар патріотизма—„Дымъ“. Если человѣкъ руководится желаніемъ— противорѣчить настроенію минуты,—онъ все-таки зависитъ от минуты, онъ говоритъ не свое, а то, что въ немъ вызывает этимъ противорѣчіемъ. Нѣкоторое время можно было думат что у г. Тургенева есть какіе-нибудь высшіе взгляды, изъ-з которыхъ онъ осуждаетъ мимолетныя явленія нашего прогресс Но теперь плачевная истина вполнѣ обнаружилась; оказалось что г. Тургеневъ стоитъ даже ниже этихъ явленій; не зная что ему дѣлать..., онъ рѣшился, наконецъ, объявить себя при верженцемъ *нигилизма*, т. е... самой уродливой формы нашег прогресса. И этотъ человѣкъ объявляетъ себя свободнымъ!... [2]).

Соглашаясь съ этою характеристикою Тургенева, принадлежащею Страхову, кромѣ послѣдняго его заключенія [3]), мы однако, находимъ, что и гр. Толстой былъ склоненъ къ тому же грѣху, что и Тургеневъ, уже въ „Войнѣ и Мирѣ“, а съ тѣхъ поръ онъ сильно развился въ этомъ направленіи. Это было менѣе замѣтно сначала, такъ какъ онъ не оторвался отъ родной почвы, подобно Тургеневу, но чѣмъ ближе къ нашимъ днямъ, тѣмъ это замѣтнѣе. Тургеневъ хотя самъ страдалъ вышеуказанною слабостью, но, тѣмъ не менѣе, вѣрно подмѣ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 379. Соч. Тург. т. I. 1869 г., С.

[2]) Тамъ же, стр. 384.

[3]) Страховъ въ этомъ отношеніи сгустилъ краски.

тилъ ее у гр. Толстого и вѣрно объяснилъ ея причину—отсутствіе истиннаго знанія. Какъ ни опровергаетъ его въ этомъ случаѣ Страховъ, какъ онъ ни доказываетъ, что авторъ „Войны и Мира“ знаетъ чуть-ли не все, что можетъ составить предметъ знанія, это остается недоказаннымъ. Конечно, гр. Толстой знаетъ многое, но далеко не все, что ему слѣдовало бы знать для того, чтобы трактовать такъ авторитетно о чемъ угодно; о нѣкоторыхъ же вопросахъ онъ имѣетъ даже слишкомъ слабое представленіе, напримѣръ, о различныхъ вопросахъ, относящихся къ области военнаго искусства.

Что же касается Страхова, то въ этомъ отношеніи онъ долженъ быть поставленъ не только не выше, но значительно ниже гр. Толстого. Поэтому онъ и не замѣчаетъ его промаховъ въ этой сферѣ, не замѣчаетъ у него даже рѣзко бросающихся въ глаза противорѣчій и несообразностей и, повидимому, напротивъ того, находитъ, что въ „Войнѣ и Мирѣ“ все, что такъ или иначе касается военнаго искусства, безукоризненно.

Замѣчательно, что Страховъ не обратилъ не только должнаго, но даже просто никакого вниманія на разборы „Войны и Мира“, вышедшіе изъ-подъ пера военныхъ писателей [1]). По всему вѣроятію, это произошло вслѣдствіе того, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, коимъ кажется, что военное дѣло „не заслуживаетъ серьезнаго изслѣдованія“, что „война есть не болѣе, какъ остатокъ дикости въ человѣческой натурѣ, съ уничтоженіемъ котораго остатка настанетъ вѣчный миръ и всѣ распри будутъ улаживаться разговоромъ“ [2]) и т. п. Если это вѣрно, то приходится вывести заключеніе, что даже и такой прекрасный человѣкъ, какъ Н. Страховъ, не будучи знакомъ съ сущностью военнаго дѣла и не понимая его значенія въ исторіи народовъ и обществъ, очутился въ разрядѣ „*фарисеевъ*“

[1]) Разумѣемъ въ данномъ случаѣ, кромѣ разбора, принадлежащаго генералу *Драгомирову*, разборы, произведенные г. *Витмеромъ*, *Н. Л.* (См. «Военный Сборникъ» за 1868 г.) и т. д.

[2]) См. *Драгомировъ*. Разборъ романа «Война и Миръ». Стр. 2.

(по недоразумѣнію), о которыхъ мы говорили въ началѣ настоящаго изслѣдованія [1]): и онъ, подобно *„многимъ... не изъ военныхъ“*, смотритъ на военныхъ вообще, какъ на *„мытарей“*, а потому и находитъ лишнимъ утруждать себя изученіемъ трудовъ военныхъ писателей. Въ ряду этихъ *„фарисеевъ“* (по недоразумѣнію), конечно, на первое мѣсто мы поставили бы и гр. Толстого, особенно принимая во вниманіе нѣкоторыя послѣднія его произведенія, если бы онъ не завоевалъ себѣ уже высшаго званія *кандидата въ пророки*. По всему вѣроятію, въ этомъ званіи онъ и сойдетъ съ исторической сцены, и это лучше какъ для него, такъ и для того народа, которому онъ хочетъ служить, даже съ его точки зрѣнія, ибо, какъ показываетъ исторія, дѣятельность такихъ пророковъ, какимъ былъ бы онъ, приводила обыкновенно къ войнѣ и къ большимъ общественнымъ пертурбаціямъ; примѣняя же его аргументацію, мы должны были бы сказать: „для насъ непонятно, чтобы милліоны людей - христіанъ убивали и мучили другъ друга, потому что“... гр. Толстой хочетъ быть пророкомъ и т. п. Если бы нашъ великій писатель жилъ въ другое время, онъ могъ бы весьма легко стяжать славу мученика (сдѣлавшись дѣйствительнымъ пророкомъ въ особенности); но въ наше время онъ можетъ проповѣдывать что угодно совершенно безпрепятственно и безнаказанно: то, что въ его ученіи хорошо и что, въ сущности, есть ничто иное, какъ повтореніе того, что преподано въ ученіи Іисуса Христа, конечно, принято и будетъ принято съ благодарностью; но всякаго рода „отсебятина“ вызываетъ и будетъ вызывать и впредь сожалѣніе по поводу того, что такой человѣкъ заблуждается. Конечно, имѣются и теперь, найдутся и въ будущемъ такіе рьяные послѣдователи гр. Толстого, для которыхъ все, что онъ ни скажетъ, а тѣмъ болѣе напишетъ, является и явится своего рода откровеніемъ; но такіе идолопоклонники, само собою разумѣется, были, суть и будутъ немногочисленны. Будемъ же отличать гр. Толстого,

---

[1]) См. выше, стр. 2—3.

какъ кандидата въ пророки, отъ гр. Толстого, какъ нашего зеликаго писателя. Пустъ идолопоклонники слѣпо поклоняются ıервому; мы же (не желающіе „сотворить себѣ кумира“) будемъ чтить второго за его сильныя стороны, но въ то же ремя будемъ раскрывать и его стороны слабыя, не смущаясь исколько даже въ виду той анаѳемы, которою грозитъ Страовъ всѣмъ критикамъ гр. Толстого.

Съ этой точки зрѣнія мы присоединяемся къ *Н. Страхову*, огда онъ радуется тому, что „явился, наконецъ, богатырь, оторый не поддался никакимъ нашимъ язвамъ и повѣтріямъ, оторый разметалъ, какъ щепки, всякіе (вѣрнѣе почти всѣ) раны, отшибающіе у русскаго образованнаго человѣка ясный згляд̆ъ и ясный умъ..., который... разомъ поднялъ нашу лиературу на высоту, о которой она и не мечтала. Вполнѣ радуемся, вмѣстѣ съ *Н. Страховымъ*, тому, что „послѣ долгихъ клоненій отъ настоящей дороги... русская литература... наонецъ возвратилась къ своему прежнему здоровью“; радуемся тому, что „та *могучая гармоническая сила*, которая нѣкогда казалась въ Пушкинѣ, и съ тѣхъ поръ какъ будто обмелѣла, ɪзбилась на мелкіе ручьи, затерялась въ трясинахъ и болохъ,—*вдругъ снова во очію явилась намъ*, вдругъ показалась ıмъ въ новыхъ формахъ, но съ тою же печатью несравненой прелести, здоровая, чистая, по своей простотѣ и внутренму равновѣсію превосходящая самыя высокія поэтическія лы другихъ народовъ“... Согласны мы и съ тѣмъ, что „Война Миръ“ есть прочное пріобрѣтеніе, столь же прочное и непоколебимое, какъ, напримѣръ, сочиненія Пушкина“; согласны, конецъ, и съ тѣмъ, что это великое произведеніе должно ть настольною книгою каждаго образованнаго русскаго чевѣка [1]).

Но, въ то же время, мы не можемъ не признать, что гр. лстой, по справедливому (отчасти) замѣчанію Тургенева, адаетъ *„отсутствіемъ истиннаго знанія“* по отношенію

[1]) *Страховъ*. Стр. 386—389.

къ нѣкоторымъ, можно даже, сказать ко многимъ вопросам изъ числа тѣхъ, кои онъ затронулъ или подвергъ не всегд достаточно тщательному изслѣдованію въ „Войнѣ и Мирѣ“ что, впрочемъ, отражается, главнымъ образомъ, лищь на ег философіи и особенно на его философіи военнаго дѣла.

Кто же правъ: графъ-ли Толстой со Страховымъ, или ж М. И. Драгомировъ? Для того чтобы это выяснить, необходим отдать себѣ отчетъ въ той задачѣ, которую хотѣлъ рѣшит гр. Толстой, съ военной точки зрѣнія, Философія военнаг дѣла, къ которой онъ приступилъ такъ смѣло, иначе говор обобщеніе всего военнаго дѣла, его синтезисъ — это и ест *Стратегія въ широкомъ смыслѣ* [1]). Современная военная наука только намѣчаетъ эту стратегію, какъ дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, а пока разрабатываетъ лишь болѣе доступную и составляющую предметъ насущной необходимости *стратегію въ тѣсномъ смыслѣ*, которую Наполеонъ I называлъ *„Высшею Тактикою“* и которая является Тактикою театра военныхъ дѣйствій, въ отличіе отъ *Начальной Тактики* или Тактики поля сраженія.

Синтезисъ всего военнаго дѣла (хотя и, во всякомъ случаѣ, болѣе или менѣе неполный) возможенъ пока лишь въ лицѣ великаго полководца. Остановимся на послѣднемъ изъ числа общепризнанныхъ великихъ полководцевъ, Наполеонѣ. Съ точки зрѣнія гр. Толстого и Страхова, онъ былъ лишь *„ничтожнѣйшимъ орудіемъ исторіи“* [2]) и *не могъ ничего уразумѣть и ничего сдѣлать*, когда на сцену выступили дѣйствительныя силы исторіи; въ самой ссылкѣ... онъ не понималъ того, что съ нимъ случилось въ Россіи, и, слѣдовательно, онъ былъ вполнѣ слѣпымъ орудіемъ высшихъ судебъ, обнаружилъ самымъ разительнымъ образомъ свое ничтожество...“ [3]).

Что же говоритъ о Наполеонѣ исторія?

---

[1]) См. *Лееръ*. «Стратегія». Изд. 5-е. Ч. I, стр. 2.

[2]) Гр. *Толстой*. Т. VI, стр. 84. ***Страховъ***, стр. 363. Курсивъ нашъ.

[3]) *Страховъ*, стр. 364—365.

„Какъ полководецъ, Наполеонъ является величайшимъ изъ великихъ“ главнымъ образомъ потому, что жилъ позже другихъ великихъ мастеровъ искусства и „могъ воспользоваться ихъ богатымъ опытомъ“, а равно и потому, что „обстоятельства покровительствовали ему въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ имъ, способствуя такимъ образомъ полному развитію его таланта“. Наполеонъ въ высшей степени обладалъ *умомъ* (не во гнѣвъ будь сказано кн. Андрею, помнившему „ограниченное его лицо на Аустерлицкомъ полѣ“, и гр. Толстому, внушившему своему герою эту несообразность) и притомъ умомъ *положительнымъ*, привычнымъ къ строгому разсчету и чуждымъ увлеченій. Рядомъ съ этимъ, онъ былъ одаренъ и необыкновенной силой ума *творческаго*, комбинаціоннаго, богатаго идеями, создаваемыми кипучимъ воображеніемъ уроженца юга, равно какъ и необыкновенною проницательностью, способностью угадывать внутреннимъ окомъ (глазомѣромъ) то, чего нельзя видѣть внѣшнимъ. Выше же всего этого слѣдуетъ поставить необыкновенное развитіе въ Наполеонѣ *характера*— несокрушимую силу воли. Величіе характера въ немъ отвѣчало величію ума и такимъ образомъ онъ близко подходилъ къ тому высокому идеалу *равновѣсія ума и характера*, которое самъ же ставитъ первымъ условіемъ для полководца. Всѣ эти качества проявлялись у Наполеона, въ высшемъ ихъ развитіи, въ тѣ минуты, когда обыновенные люди теряютъ голову, т. е. въ критическія (Риволи, Ваграмъ...), что и составляетъ, прежде всего, отличительную черту военнаго генія (отрицаемаго гр. Толстымъ). Должно еще упомянуть о его *безграничной энергіи* въ исполненіи смѣлыхъ и великихъ предначертаній и о его *необыкновенной*, притомъ *равномѣрной дѣятельности*, по крайней мѣрѣ въ первый періодъ его военнаго поприща: такъ, онъ дѣлалъ въ день по 40 верстъ на конѣ, чтобы все видѣть собственными глазами, и т. п. Если еще добавить *магическое вліяніе* Наполеона *на массы*, необыкновенный даръ, смотря по требованіямъ минуты, или успокаивать ихъ страсти, или разжигать и увлекать ихъ за собою, то получится полная картина

его военнаго генія. Всѣми этими качествами Наполеонъ обладалъ въ ихъ совокупности и притомъ въ высшей степени, особенно въ первый періодъ его военной дѣятельности, до 1809 года включительно,—эпохи, когда военный его геній достигъ своего апогея (1796, 1800, 1805, 1806, 1807 и 1809 г. г.). Съ этого времени начинаетъ проявляться уже нѣкоторый упадокъ въ геніи Наполеона. Избалованный постоянными успѣхами, онъ уже, по временамъ, терялъ *чувство мѣры* при оцѣнкѣ людей и вещей и нерѣдко требовалъ, чтобы тѣ и другія были не такими, какими они являются по своей природѣ, а иными, какими онъ желалъ видѣть ихъ въ извѣстную минуту. Прежде онъ самъ называлъ себя *„рабомъ природы вещей"*; теперь онъ сталъ пренебрегать ею. Слѣдствіемъ этого явились эфемерныя предпріятія, вродѣ похода 1812 года, когда онъ велъ нецѣлесообразную войну, не зная достаточно ни своего противника, ни театра военныхъ дѣйствій и не соразмѣривъ своихъ силъ съ трудностью предпріятія. Насколько въ первый періодъ Наполеонъ былъ склоненъ разсчитывать на худшее и относиться съ полнымъ уваженіемъ къ противнику, настолько, во второмъ періодѣ, онъ уже началъ нерѣдко пренебрегать имъ. Къ дальнѣйшимъ причинамъ нѣкотораго упадка генія Наполеона послѣ 1809 года слѣдуетъ отнести его *утомленіе и сильную перемѣну въ физическомъ отношеніи* (нерѣдко онъ уже не дѣлаетъ по 40 верстъ въ день верхомъ, чтобы всѣмъ руководить, все видѣть, но „сидитъ въ своей комнатѣ, куда вносятся его кровать и карты").

Неудачи въ послѣднихъ походахъ Наполеона объясняются еще и двойственностью его положенія, какъ генерала-стратега и императора - политика. Это обстоятельство затрудняло его нерѣдко, вынуждая отодвигать чисто военные интересы на задній планъ и уступать требованіямъ политическимъ, не всегда сходнымъ съ первыми.

Для военной науки всѣ походы Наполеона послужили подтвержденіемъ и превосходною иллюстраціею небольшого числа вѣчно неизмѣнныхъ принциповъ, которымъ слѣдовали великіе

полководцы, а въ ихъ числѣ и онъ самъ. Принципы эти особенно рельефно проявляются и освѣщаются въ дѣйствіяхъ Наполеона, благодаря его генію и чрезвычайно благопріятнымъ для сего условіямъ, созданнымъ французскою революціею, коими онъ умѣлъ отлично пользоваться. Самъ онъ внесъ *правильный взглядъ на войну* и установилъ вѣрную отправную точку въ дѣлѣ веденія военныхъ операцій. Война въ его глазахъ была, какъ и должно быть, борьбою самыхъ разнородныхъ силъ, въ ряду коихъ первое мѣсто принадлежитъ *живой силѣ* и только по отношенію къ ней всѣ остальныя средства получаютъ смыслъ и значеніе. Въ рукахъ Наполеона стратегія достигла такого высоко замѣчательнаго развитія, что иногда одной стратегической подготовки достаточно было для рѣшенія судьбы цѣлыхъ операцій (напр. ульмской 1805 г.). Сраженія Наполеона, кромѣ случайныхъ, удовлетворяютъ условію цѣлесообразности, а большая ихъ часть—и условію планосообразности. Вліяніе Наполеона на бой выразилось въ приданіи этому важнѣйшему акту въ развитіи операціи въ высшей степени рѣшительнаго характера, посредствомъ завершенія боя рѣшительною и одновременною атакою всѣми силами и посредствомъ энергическаго преслѣдованія разбитаго непріятеля тотчасъ послѣ боя; благодаря этому, сраженія при Наполеонѣ получили характеръ настолько рѣшительный, что, по его же словамъ, „между сраженіемъ выиграннымъ и проиграннымъ стояли имперіи“ [1]). Всѣмъ этимъ вмѣстѣ и характеризуется новая эра въ развитіи стратегическаго искусства, вслѣдствіе чего и соотвѣтствующая эпоха въ исторіи военнаго искусства именуется наполеоновскою.

Этотъ величайшій полководецъ въ то же время представлялъ и *великую идею*, и *великую реальную личность*, личность въ полномъ смыслѣ слова цѣльную,—былъ человѣкомъ и

---

[1]) См. *Лееръ.* *„Энцикл. воен. и морск. наукъ“*, т. V, стр. 317—318 (ст. *Наполеонъ*).

мысли, и *слова*, и *дѣла*, короче—являлся самымъ полнымъ (въ исторіи) выраженіемъ военнаго искусства.

„...Вполнѣ объективной его исторіи еще не имѣется, ибо обаяніе его имени съ одной стороны и ненависть къ нему съ другой мѣшали ея появленію"... „Главная причина его паденія—это двойственность въ дѣятельности; внутри Франціи—подавленіе всякаго самостоятельнаго проявленія мысли, за предѣлами ея—внесеніе новыхъ началъ въ жизнь европейскихъ народовъ (равенства передъ судомъ и т. д.). Въ Италіи онъ возродилъ идею національнаго государства, въ Испаніи сокрушилъ инквизицію: даже западные славяне и греки не избѣжали вліянія наполеоновскихъ походовъ" [1])...

Впрочемъ, и внутри Франціи дѣятельность его была въ многихъ отношеніяхъ благотворна: одно упраздненіе безтолковой первой французской республики составляетъ его великую заслугу, а умиротвореніе и успокоеніе Франціи послѣ переворота 18-го брюмера сдѣлало бы честь всякому главѣ великаго государства и великаго народа.

Одно сравненіе того Наполеона, котораго рисуетъ намъ объективная исторія, съ тѣмъ Наполеономъ, котораго представляетъ намъ же графъ Толстой, говоритъ не въ пользу послѣдняго. Такимъ образомъ авторъ „Войны и Мира", отрицая Наполеона, какъ наиболѣе полное олицетвореніе синтеза всего военнаго дѣла, какъ бы самъ становится на его мѣсто. При этомъ онъ, правда, опережаетъ современную военную науку, но это приводитъ его къ несомнѣнной нелѣпости. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что его претензія на пониманіе и знаніе и попытки изложить, между прочимъ, стратегію и въ широкомъ, и въ тѣсномъ смыслѣ, равно какъ и тактику, представляютъ предпріятіе столь же эфемерное, какъ для Наполеона война 1812 года.

Въ виду этого нельзя не признать, что о равноправномъ боѣ между нимъ и его оппонентомъ не можетъ быть и рѣчи,

[1]) Тамъ же, стр. 316.

тѣмъ болѣе, что этотъ оппонентъ стоитъ упорно на почвѣ дѣйствительности, не гоняется за идеалами, непригодными пока вовсе при условіяхъ, существующихъ на нашей планетѣ, не заносится въ „недоступная намъ горняя", и говоритъ лишь о томъ, что знаетъ, какъ спеціалистъ по даннымъ вопросамъ, тогда какъ графъ Толстой является, по преимуществу, диллетантомъ.

Заканчивая настоящее изслѣдованіе, мы считаемъ возможнымъ остановиться на слѣдующихъ заключительныхъ выводахъ:

А) Подобно тому какъ „Война и Миръ" представляетъ высокій интересъ для всякаго мыслящаго русскаго военнаго человѣка, такъ и разборъ этого романа, вышедшій изъ-подъ пера М. И. Драгомирова, представляетъ столь же высокій интересъ для всякаго образованнаго русскаго человѣка вообще, ибо вводитъ необходимыя (съ военной точки зрѣнія) поправки въ своеобразную систему воззрѣній графа Толстого на военное искусство и даже на исторію.

Б) По вопросу о томъ, чтобы совсѣмъ не заноситься „въ недоступная намъ горняя", нельзя согласиться вполнѣ съ авторомъ разбора, даже ставъ на точку зрѣнія проповѣдываемаго имъ утилитаризма, ибо приходится считаться съ внутреннимъ міромъ массъ. Конечно, авторъ разбора отлично знаетъ и понимаетъ русскаго человѣка вообще. По всему вѣроятію, онъ признаетъ, что для этого человѣка дороже всего его религія, его церковь и т. д. Разъ это такъ, то нужно быть осторожнымъ, чтобы не оскорбить того, что дорого русскому человѣку; не должно запрещать ему думать и говорить о томъ, что касается религіи и этики; можно лишь совѣтовать ему не говорить такъ, какъ говоритъ графъ Толстой.

В) Въ спорномъ вопросѣ [1]) о значеніи руководящихъ лич-

[1]) Мы называемъ этотъ вопросъ спорнымъ лишь по той причинѣ, что о немъ графъ Толстой высказалъ мнѣніе прямо противоположное установившимся на этотъ счетъ.

ностей, для человѣка, свободнаго отъ предвзятыхъ идей (предвзятыхъ въ худшемъ смыслѣ), не можетъ быть колебанія: онъ долженъ стать на сторону автора разбора противъ автора романа. И дѣйствительно, если примѣнить къ самому графу Толстому его взгляды, то окажется, что и исторія литературы, и исторія умственнаго развитія Россіи, а слѣдовательно и исторія вообще должны будутъ признать и его своимъ „ничтожнѣйшимъ орудіемъ“. Что сказалъ бы объ этомъ самъ графъ Толстой, не знаемъ; но думаемъ, что всѣ слѣпые или ослѣпленные его поклонники, со Страховымъ во главѣ, возстали бы противъ этого, не взирая даже на то, что такимъ образомъ они противорѣчили бы сами себѣ.

Г) Положеніе князя Андрея и графа Толстого, что въ военномъ дѣлѣ не можетъ быть ни науки, ни теоріи, исправляется авторомъ разбора не вполнѣ, вслѣдствіе того, что онъ въ опредѣленіи науки нѣсколько расходится со взглядами, кои начинаютъ утверждаться въ военномъ обществѣ. При этомъ онъ не даетъ полнаго опредѣленія науки, а только устанавливаетъ различіе между нею и теоріею, которое, однако, остается недоказаннымъ. Впрочемъ, это не можетъ послужить въ пользу графу Толстому, который рѣшаетъ вопросъ о существованіи военной науки настолько съ плеча, что его взгляды на этотъ вопросъ могутъ представить интересъ лишь какъ одна изъ первыхъ переходныхъ ступеней въ развитіи понятій о немъ. При этомъ зарождается само собою предположеніе, что графъ Толстой, въ свое время, подобно князю Андрею, думалъ также „обрѣсти свой Тулонъ“; затѣмъ разочаровался, увидѣлъ, что это очень трудно и даже для него, пожалуй, невозможно; далѣе, слѣдуя по пути князя Андрея, совершенно такъ же, какъ и онъ, пришелъ къ отрицанію военной науки.

Д) Польза дѣла требуетъ не слѣпого, неосмысленнаго поклоненія графу Толстому, но разумнаго пониманія какъ его сильныхъ, такъ и его слабыхъ сторонъ, какъ дивныхъ красотъ „Войны и Мира“, такъ и заблужденій самого автора.

Е) Плохую услугу мыслящему русскому обществу оказываетъ тотъ писатель и тотъ органъ печати, которые хотятъ зажать ротъ всякому критику графа Толстого, которые намѣренно замалчиваютъ подобнаго критика, или же, наконецъ, которые относятся къ нему съ пренебреженіемъ, полагая, что онъ ихъ ничему научить не можетъ, особливо если онъ „изъ военныхъ".

Ж) Пора, наконецъ, въ наше время народныхъ армій, когда армія есть кость отъ кости и плоть отъ плоти народа,—пора всѣмъ людямъ невоеннымъ отрѣшиться отъ своего предубѣжденія, перестать относиться къ войску и къ военнымъ людямъ съ пренебреженіемъ, которое является лишь слѣдствіемъ незнанія военнаго дѣла и незнакомства съ военною средою; пора людямъ невоеннымъ перестать быть *фарисеями новѣйшей формаціи*; пора перестать взирать на военныхъ, какъ на своего рода „*мытарей*"; пора людямъ невоеннымъ если не приступить къ возможно тщательному изученію военнаго дѣла и военныхъ вопросовъ, то ознакомиться съ ними хотя бы на столько, чтобы быть въ состояніи читать и понимать лучшіе труды нашихъ выдающихся военныхъ писателей, а прежде всего разборъ „Войны и Мира", произведенный М. И. Драгомировымъ, какъ необходимое дополненіе и поясненіе къ „Войнѣ и Миру". Въ этомъ отношеніи тонъ должна дать печать, которая пока собственно и является если не главною, то первою помѣхою въ дѣлѣ установленія въ нашемъ обществѣ надлежащихъ отношеній къ военнымъ людямъ и здравыхъ понятій о войнѣ, военномъ искусствѣ и военныхъ вопросахъ вообще.

П. А. Гейсманъ.

